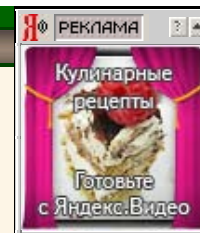
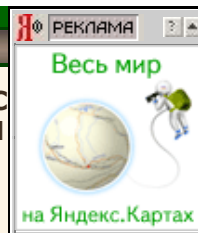

- [Введение](#)
- [Поселения пруссов VI-XIII вв.](#)
- [Погребальные памятники](#)
  - Ингумация
  - Типология инвентаря
  - Хронология пруссов по данным погребальных памятников
- [Ареал культуры пруссов эпохи раннего Средневековья](#)
- [Заключение](#)
- Каталог поселений пруссов VI-XIII вв.
- [Каталог погребальных памятников прусской культуры VI-XIII вв.](#)
- [Список сокращений](#)
- [Литература](#)
- Таблицы I-LXXXIII
  - [Описание иллюстративных таблиц](#)
  - [Таблица I](#)
  - [Таблица II](#)
  - [Таблица III](#)
  - [Таблица IV](#)
  - [Таблица V](#)
  - [Таблица VI](#)
  - [Таблица VII](#)
  - [Таблица VIII](#)
  - [Таблица IX](#)
  - [Таблица X](#)
  - [Таблица XI](#)
  - [Таблица XII](#)
  - [Таблица XIII](#)
  - [Таблица XIV](#)
  - [Таблица XV](#)
  - [Таблица XVI](#)
  - [Таблица XVII](#)
  - [Таблица XVIII](#)
  - [Таблица XIX](#)
  - [Таблица XX](#)
  - [Таблица XXI](#)
  - [Таблица XXII](#)
  - [Таблица XXIII](#)
  - [Таблица XXIV](#)
  - [Таблица XXV](#)
  - [Таблица XXVI](#)
  - [Таблица XXVII](#)
  - [Таблица XXVIII](#)
  - [Таблица XXIX](#)
  - [Таблица XXX](#)
  - [Таблица XXXI](#)
  - [Таблица XXXII](#)
  - [Таблица XXXIII](#)
  - [Таблица XXXIV](#)

- [Таблица XXXV](#)
- [Таблица XXXVI](#)
- [Таблица XXXVII](#)
- [Таблица XXXVIII](#)
- [Таблица XXXIX](#)
- [Таблица XL](#)
- [Таблица XLI](#)
- [Таблица XLII](#)
- [Таблица XLIII](#)
- [Таблица XLIV](#)
- [Таблица XLV](#)
- [Таблица XLVI](#)
- [Таблица XLVII](#)
- [Таблица XLVIII](#)
- [Таблица XLIX](#)
- [Таблица L](#)
- [Таблица LI](#)
- [Таблица LII](#)
- [Таблица LIII](#)
- [Таблица LIV](#)
- [Таблица LV](#)
- [Таблица LVI](#)
- [Таблица LVII](#)
- [Таблица LVIII](#)
- [Таблица LIX](#)
- [Таблица LX](#)
- [Таблица LXI](#)
- [Таблица LXII](#)
- [Таблица LXIII](#)
- [Таблица LXIV](#)
- [Таблица LXV](#)
- [Таблица LXVI](#)
- [Таблица LXVII](#)
- [Таблица LXVIII](#)
- [Таблица LXIX](#)
- [Таблица LXX](#)
- [Таблица LXXI](#)
- [Таблица LXXII](#)
- [Таблица LXXIII](#)

АКАДЕМИЯ НАУК СС
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
АРХЕОЛОГИИ

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА Г 1-9

1990
ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
МОСКВА

В. И. КУЛАКОВ
ДРЕВНОСТИ ПРУССОВ
VI - XIII вв.

Ответственный редактор
доктор исторических наук В. В. СЕДОВ

ББК 63.4 (3) К 90
Рецензенты:

доктор исторических наук А. К. Амброз,
кандидат исторических наук С. В. Белецкий,
кандидат исторических наук К. И. Комаров
Кулаков В. И.

К90 Древности пруссов VI- XIII вв. - М.: Наука, 1990. 168 с. - (Свод археологических источников. Вып. 4. Г 1 - 9) ISBN 5 - 02-009505-2.

Эта книга - первая в науке сводка археологических данных о раннесредневековой культуре пруссов, заселявших территорию современной Калининградской области и смежные земли. Наиболее важные материалы раскопок, в частности могильника у д. Клинцовка, впервые вводятся в научный оборот. Публикация древностей пруссов будет иметь большое значение для археологии всего региона юго-восточной Прибалтики.

Для археологов.
К 121-90-Н ББК 63.4,3)

© Издательство
ISBN 5-02-009505-2 "Наука", 1990

ВВЕДЕНИЕ

Этноним "пруссы" впервые встречается в сочинении Географа Баварского (середина IX в.), помещающего этот народ между реками Вислой и Неманом¹. Данную территорию в раннем средневековье занимала западная часть этнической общности, относимой к балтской языковой группе. Предки пруссов заселяли эту землю с эпохи позднего неолита (около 2000 г. до н.э.)². Древности обитавшего в указанном регионе населения привлекли к себе внимание ученых еще в XVI в. Я. Малецкий (1563 г.), М. Стрыйковский (1582 г.), Я. Ласицкий (1615 г.) посвятили свои работы в основном описанию сохранившихся к тому времени живых остатков духовной культуры пруссов. Работами сводного характера, касавшимися истории Пруссии до XIII в., является книга Х. Харткноха (1684 г.), М. Преториуса (1703 г.), Л. Бачко (1792-1794 гг.), И. Фойгта (1827-1839 гг.). Начиная с XVII в. выходят в свет публикации письменных источников по истории Пруссии - "Хроника земли Пруссии" Петра Дусбурга (1679 г.), сборника *Scriptores regum poloniarum et prussicarum* (1753 г.) *Scriptores regum prussicarum* (1861 - 1868 гг.), "Прусская хроника" Лукаса Давида (1861 - 1866 гг.), "Хроника" Симона Грунау (1873-1896 гг.)³. Однако археологические источники в исторических изысканиях того времени не использовались.

Первые значительные исследования памятников археологии юго-восточной Прибалтики предпринял Иоганн М. Гиз. Будучи военным топографом, в ходе составления Генеральной карты Восточной Пруссии в 1826-1828 гг., он осмотрел и описал около 300 древних поселений. Данные обследований, оставленные им в виде дневниковых записей и зарисовок⁴, позднее неоднократно

использовались немецкими археологами.

К середине XIX в. интерес к изучению древностей пруссов заметно возрос, чему в немалой степени способствовало создание в 1844 г. общества по изучению древностей "Пруссия", которое долгие годы являлось координатором археологических работ в юго-восточной Прибалтике. Деятельность его членов явилась первым шагом в деле систематического изучения древностей пруссов. На первых порах фонды общества пополнялись за счет антикварных вещей и случайных находок. Однако уже в середине XIX в. особое внимание стало обращать на обстоятельства и места находок таких предметов. С этого времени в трудах общества "Пруссия" стали помещаться списки приобретенных вещей с соответствующими примечаниями. Первыми производить раскопки на месте находок подъемного материала стали Г. Берендт, К. Штади, П. Шиффердеккер, Г. Буяк, И. Хеншер. Не исключено, что первоначально целью раскопок было обнаружение возможно большего количества древних предметов. Так были раскопаны могильники эпохи римского влияния Гребитен, Поваровка, Чехово, Первомайское, а также масса памятников п-ова Самбия. Вторая половина XIX в. характеризуется широким фронтом раскопок прусских могильников V-XIII вв. Работы велись в основном на п-ове Самбия, в меньшей степени - на Мазурском Поозерье, руководство осуществлялось членами общества "Пруссия", причем один памятник мог неоднократно исследоваться разными археологами с различным уровнем подготовки. Примерами являются раскопки могильников Доброе (работы В. Хенше⁵ и Девитца⁶ в 70-х годах XIX в.), Гребитен (Г. Буяк⁷ и И. Хейдек⁸), Ветрово (Г. Буяк и И. Хейдек⁹). Основная часть известных в то время могильников была исследована на методически низком уровне, публикации результатов раскопок слишком отрывочны (Озерное¹⁰, Карьерное¹¹), что затрудняет работу с полученными материалами. Накопленные подобными исследованиями данные (до 2000 предметов) позволили О. Тишлеру в 1880 г. создать хронологическую шкалу древностей пруссов и их соседей с I в. до н. э. по V в. н. э. (периоды А, В, С, D)¹². Последующие периоды истории материальной культуры пруссов О. Тишлера интересовали в меньшей степени, тем не менее автор, кратко проанализировав отрезок X-XIII вв., назвал его "позднеязыческим периодом". В 1897 г. А. Беценбергер¹³ уточнил эту шкалу, дополнив периодизацию этапами E - F-VI-VIII вв., G - IX в. ("время викингов" и "раннеязыческий период"), H - X-XIII вв. ("позднеязыческий период").

В начале XX в. датировку этапа E уточнил Х. Кемке¹⁴.

Являясь важным шагом к унификации прусской археологической хронологии, шкала Тишлера-Беценбергера была составлена целиком на выводах, полученных при тщательном анализе предметов погребального инвентаря. Абсолютные даты были установлены по импортным предметам и монетам, связи внутри шкалы - по корреляции твердо датированного материала с остальными предметами в рамках археологических комплексов. Были построены типологические ряды развития некоторых категорий украшений (фибулы, браслеты), отдельных типов керамики. А. Беценбергер впервые охарактеризовал культуру пруссов в рамках VI-XIII вв. по устойчивым сочетаниям категорий погребального инвентаря. Необходимо отметить, что характеристика периода G (IX в.) основывалась во многом на скандинавских материалах курганного могильника Kaup bei Wis-kiäuten (ныне Моховое).

В 1908 г. вышла в свет первая археологическая карта Восточной Пруссии, составленная Э. Холлаком¹⁵. В предисловии, основываясь на шкале Тишлера-Беценбергера, автор дал краткую характеристику развития материальной культуры пруссов. Анализируя памятники археологии в пределах всей бывшей провинции Восточная Пруссия, Э. Холлак фактически считал эти границы ареалом прусской культуры. Действительно, в XIII в. крестоносцы вели вооруженную борьбу на этой территории с¹¹ землями западных балтов, видимо, составлявшими конфедерацию¹⁶. Именно здесь утвердилось Орденское государство, ставшее впоследствии княжеством Пруссия. Однако это не означает, что все эти земли были населены до XIII в. пруссами. Напротив, Шалавия (земля скальвов)¹⁷, Каршовия (южная окраина земли жемайтов)¹⁸, Судавия (земля ятвягов)¹⁹ находились заведомо вне прусского ареала. В своей книге Э. Холлак хронологически подразделил прусские древности на культурные круги: I - время развития традиций латенской культуры, II - эпоха римского

Холлаком карту сопровождал список в общей сложности около 800 памятников археологии, каждый из которых был снабжен кратким описанием. Для Прибалтики работа такого рода была проведена впервые. В этом же году увидела свет другая работа Э. Холлака, явившаяся первым исследованием, посвященным анализу погребального обряда культуры пруссов, дававшемуся поэтапно. Так, для Самбии позднеязыческого времени считались характерными трупосожжения с большим количеством остатков погребального костра интенсивно черного цвета, каменные кладки, частое присутствие в одной яме останков человека и коня.

Появление трупоположения соотносилось с проникновением христианской обрядности и датировалось XIII-XIV вв.²⁰ Таким образом, древности раннесредневековых пруссов аргументированно выделялись из среды остальных балтских культур. Исследования, предпринимавшиеся в XIX- начале XX в. в основном на погребальных памятниках, дали возможность составить подробную для того времени шкалу хронологии древностей. Ее данные свидетельствовали прежде всего о своеобразии и непрерывности развития материальной культуры племен юго-восточной Прибалтики по меньшей мере в пределах I тысячелетия н. э.

Начало XX в. - новый этап в развитии археологии юго-восточной Прибалтики. На смену господствовавшему методу шурфовки пришли многолетние раскопки памятников более или менее значительными площадями.

Среди этих исследований можно отметить работы А. Беценбергера на могильниках Муромское, Орехово, Кострово²¹, Р. Дорра - в Эльблонге (ул. Армии Червоней)²², Э. Холлака - близ Ветрово. В полевой методике намечается переход от раскопок траншеями к раскопкам большими площадями (размеры раскопа - до 20X20 м).

Плеяда таких археологов, как А. Беценбергер, В. Герте, позднее О. Клеemann, не только внедряла прогрессивные методы раскопок, но и успешно занималась популяризацией памятников археологии среди населения Пруссии. На рубеже 20-30-х годов на базе гимназий была предпринята попытка устройства системы эффективного сбора подъемного материала и предупреждения

разрушения памятников археологии, при этом учащиеся принимали активное участие в раскопках. Заметно вырос уровень публикаций, включавших не только список обнаруженных древностей, но и данные о внутренней конструкции погребений, а позже, к концу 30-х годов, и планы раскопанных частей могильников.

Таблица 1

Памятник	Общее кол-во раскопанных погребений	Опубликовано погребений	Дата публикации
Ветрово-1	46	42	1890, 1914
Бывш. Детлевсру	27	27	1914
Кострово-II	75	42	1890, 1914
Муромское	36	31	1914

Сведения о публикации раскопанных погребений представлены в таблице.

Конец первого десятилетия XX в. ознаменован появлением в архивах музея "Пруссия" описей, инициатива составления которых принадлежит, по-видимому, А. Бещенбергеру. Последние включали полную текстовую и иллюстративную информацию о памятниках, раскапывавшихся с этого времени. Собранный в ходе раскопок материал поступал в музей "Пруссия", откуда после выполненной на высоком уровне реставрации часть его могла поступить в музеи Мемеля (Клайпеда), Рагнита (Неман), Инстербурга (Черняховск). Неоценимый вклад в развитие музеефикации древностей пруссов внес долгое время бывший директором музея "Пруссия" В. Герте, оставивший после себя ценнейшую вещеведческую работу ²⁴, не утратившую своего значения по сей день.

В 30-40-е годы XX в. раскопки могильников продолжают. Б. Эрлих исследовал могильник Пасленк²⁵, В. Нойгебауер - Хойново²⁶, В. Грунерт - на горе Хюненберг у пос. Доброе²⁷. В 1928 г. полностью был раскопан могильник Суворове (502 погребения, по фонду бывшего Пруссия-музеум, № VII, 11942)²⁸.

Несмотря на неослабевающее внимание к погребальным памятникам земли пруссов, результаты раскопок в это время или вовсе не публиковались, или фрагментарно включались в работы обобщающего характера. Вследствие этого мы недостаточно полно информированы о проводившихся в указанный период времени крупномасштабных раскопках могильников Светлогорск²⁹, Ветрово-III, Суворово³¹. Добытые на данном этапе исследований археологические материалы стали базой для исторических обобщений и моделировок различных эпох прошлого пруссов. В период 1918-1944 гг. Н. Оберг³², В. Герте³³ и другие ученые сформулировали разнообразные теории генезиса и развития культур населения юго-восточной Прибалтики. Единственное, что объединяет этих авторов, это - подчеркнутое значение того влияния, которое оказывали на западных балтов этнические группы, располагавшиеся к северу или к западу от них. Эта тенденция проявляется главным образом в работах немецких исследователей 30-40-х годов К. Энгеля, В. Ла Бома³⁴, Л. Арбузова³⁵, Д. Бонзака³⁶ и др.

Следует особо отметить предположения К. Энгеля (1932 г.) о конкретной локализации прусской культуры (Samlandisch - Natansische Kultur) в междуречье рек Ногаты и Деймы (для I-VI вв. н. э.). В предвоенные годы развернулись исследования поселений пруссов. Работы К. Энгеля³⁸ и В. Ла Бома³⁹ содержат материалы разведок городищ. Информация о примерно 300 укрепленных поселениях была обработана и опубликована Г. Кромме⁴⁰. Знаменательно то, что эта работа снабжена подробным картографическим материалом, данными древней топонимики. Однако основной контингент немецких ученых был по-прежнему занят изучением погребальных древностей пруссов. Этот факт объясняется недостаточно высоким уровнем археологической разведки того времени. Подобные памятники обнаруживались главным образом благодаря сообщениям крестьян, открывавших при пахоте предметы, происходящие из близко расположенных от современной дневной поверхности могил. Культурные слои открытых поселений, зачастую скрытые речными наносами, редко задевались при распашке. Только О. Клеemann выдвигал идею глобальной археологической разведки с обязательной шурфовкой памятника⁴¹.

Третий этап исследования древностей пруссов, продолжающийся по настоящее время, характеризуется повышением роли изучения поселений. После второй мировой войны в северной части бывшей Восточной Пруссии археологические изыскания велись советскими учеными, в южной - польскими. На территории Калининградской обл. в 1949-1959 гг. (с перерывами) работы вела Ф. Д. Гуревич. Было обследовано 24 памятника археологии, а городища Грачевка, Логвиново I и курганный могильник Вишнево (Моховое) были подвергнуты частичным раскопкам. Итоги этих исследований подведены Ф. Д. Гуревич в работе "Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э."⁴². Кроме того, в ней сжато изложена эволюция материальной культуры пруссов в это время.

Ф. Д. Гуревич поставила вопрос о возможности выделения на основе археологических данных территорий отдельных племенных объединений⁴³, причем этноним "пруссы" соотносился только с обитателями п-ва Самбия. Автор указывала на самобытность и независимость материальной культуры пруссов на протяжении всего I тысячелетия н. э. (повторяя тем самым тезис, высказанный в 1908 г. Э. Холлаком) и на смену в прусском обществе в IX-XI вв. родового строя феодальным. К сожалению, последнее положение в работе Ф. Д. Гуревич не было достаточно аргументировано. Полевые исследования и привлечение предвоенных данных позволили также выделить типы раннесредневековых городищ пруссов ("мысовые", "устроенные на изолированных холмах", "на дюнном всхолмлении").

Вопросы общественного устройства и политической структуры прусских племен освещались в работах советских исследователей В. Н. Перцева⁴⁴, П. И. Кушнера⁴⁵, В. Т. Пашуто⁴⁶. Основой этих работ служили письменные источники, археологические же

данные привлекались крайне sporadично.

Начиная с 1974 г. средневековые древности на территории Калининградской обл. изучаются автором. В 1977 - 1986 гг.

проводились раскопки грунтового могильника I у пос. Клиновка, давшие 165 комплексов начала VIII-начала XII в.⁴⁷

Осуществлены раскопки на курганном могильнике Кауп (Моховое), грунтовых могильников Клиновка 3, Коврове, Доброе, городищах Окунево и Куликово, селищах Клиновка-Каменка и Малиновка. В этот период были реставрированы и дешифрованы хранящиеся в Калининградском историко-художественном музее остатки описей бывшего Пруссия-музеум (могильники Мазурского Поозерья, а также Муромское, Гребитен, Суворове и др.), систематизирована сохранившаяся часть коллекций довоенной экспозиции - около 150 бронзовых и серебряных украшений⁴⁸. В рамках составления "Свода памятников истории и культуры" автором в 1974-1988 гг. в Калининградской обл. обследовано 314 памятников археологии VI - XIII вв.

В послевоенное время основной объем работ на поселениях пруссов ведут археологи Польской Народной Республики. Раскопки проводятся в основном в небольших масштабах на городищах VI - IX вв. -Беляны Велке у г. Эльблонга (М. Хафтка)⁴⁹, Богданы у г. Фромборка (Р. Одой). В процессе работы вскрыты жилища и оборонительные сооружения, вещевого материал сопоставлен с синхронными находками на могильниках.

Погребальные древности в послевоенное время исследовались Е. Окуличем и В. Новаковским на комплексе памятников VI-VII вв. у Вышемборка⁵¹, М. Петшаком - на могильнике у Новинки⁵², Я. Ковальским - в Хвойнове⁵³.

Накопленный ранее материал с привлечением результатов послевоенных раскопок позволил Е. Окуличу издать сводную работу, посвященную древностям пруссов до VII в.⁵⁴ В ней высказывается предположение о становлении границ обитания отдельных прусских племен, известных по письменным источникам XIII - XIV вв., еще в V в. н. э.

Реконструкцию древнепрусского микрорегиона устья р. Ногаты на основе анализа распределения на местности различных по характеру и датировке памятников (IV-XIII вв.) успешно проделал М. Хафтка⁵⁵.

Многолетние археологические исследования западной окраины балтского мира определили черты материальной культуры населявших эти земли в VI - XII вв. куршей, скальвов, ятвягов. Это позволило А. З. Тауавичюсу на основе подробного анализа погребальных древностей этих племен картографировать территорию расселения и выделить характерные признаки их материальной культуры⁵⁶.

Кратким сводным очерком средневековой археологии балтов (в том числе и пруссов) стал научный труд В. В. Седова⁵⁷. Он явился итогом полуторавековых исследований древностей балтских племен. В книге отмечены позитивные результаты работ от начала XIX в. до середины 70-х годов XX в. (выявленные для отдельных племен черты обрядности, домостроительства, отдельные хронологические показатели в вещевом материале) и показаны не изученные пока аспекты материальной культуры.

В предлагаемой работе на основе привлечения различных категорий археологического материала, в большинстве своем впервые вводимого в научный оборот, содержится развернутая и по возможности всесторонняя характеристика культуры раннесредневековых пруссов.

Относительное единообразие западнобалтской культуры (скорее, субкультуры) III - V вв. н. э., характеризующееся преобладанием грунтовых могильников с трупосожжением, мощными каменными кладками, отсутствием остатков погребального костра, типологическими родственными категориями инвентаря (арбалетовидные фибулы, римские бронзовые монеты, керамика сходных типов), в середине I тысячелетия н. э. прерывается.

Вследствие объективных исторических причин культурно-экономические связи с Южной и Западной Европой, во многом способствовавшие определенному единству западнобалтской культуры, резко ослабевают. Гуннское нашествие, повлекшее за собой в конце IV в. н. э. конкретные перемены в жизни целого ряда племен Европы, уничтожившее черняховскую культуру⁵⁸, повлияло и на ход событий в юго-восточной Прибалтике.

Некоторые выделившиеся в эпоху римского влияния региональные группы⁵⁹ превращаются в самостоятельные культуры.

Необходимо указать на сложную проблему, связанную с интерпретацией древностей западной части Мазурского Поозерья. В VI - VII вв. они претерпели серьезные изменения, в свое время позволившие ряду археологов выделить их в особую

"мазур-германскую культуру"⁶⁰ (по Е. Окуличу, ольштынская группа прусской культуры)⁶¹. Существует гипотеза о принадлежности этих памятников галиндам⁶². Работа, проведенная автором по сравнительному структурному анализу древностей Балтийского побережья между устьями рек Ногаты и Деймы и западной части Мазур, базировалась на многочисленных, ранее не публиковавшихся материалах⁶³. В результате показана этнокультурная обособленность западномазурских древностей, возникших на местной культурной основе в результате прихода в конце VI в. части населения Среднего Подунавья⁶⁴.

Средневековые письменные источники оставили сведения о разнообразных сторонах жизни пруссов IX-XIII вв. Эти данные неоднократно анализировались историками. Тем не менее можно вновь остановиться на свидетельствах средневековых хронистов, имеющих непосредственное отношение к археологическому материалу:

1. Вульфстан⁶⁵ (конец IX в.) впервые конкретизировал территорию расселения эстиев-прусов - Витланд (Самбия и прилегающие земли)⁶⁶. Чрезвычайно интересно упоминание обычаев, связанных с погребальным ритуалом, а также о важной роли коней в жизни пруссов.

2. Ибрагим-ибн-Якуб⁶⁷ (965 г.) вслед за Географом Баварским заменяет этноним "эстии" на "прусы", упоминая область их расселения в прибрежной зоне Балтики. К числу важных относится сообщение источника об использовании пруссами в бою мечей.

3. Бартоломей Английский⁶⁸ (середина XIII в.) указывает на ведущую роль населения Самбии среди окружающих местных племен, в том числе на высокий уровень материальной культуры самбов.

4. Христбургский договор⁶⁹ (1249 г.) не только подробно описывает набор инвентаря, сопутствующий погребальной церемонии пруссов, но и останавливается на самом обряде, упоминая при этом ритуальные действия жрецов.

5. Ливонская рифмованная хроника⁷⁰ (1253 г.) содержит сведения о ритуале погребения пруссов, павших при осаде Мемеля. Итак, к настоящему времени накоплен обширный материал, собранный в результате многолетних исследований памятников археологии междуречья рек Ногаты и Деймы. Последний нуждается в систематизации и осмыслении на современном научном уровне. К сожалению, число обследованных поселений неравнозначно количеству раскопанных могильников, что затрудняет возможность сравнения материала синхронных памятников различных категорий.

В предлагаемой работе древности пруссов рассматриваются на основе прежде всего анализа находок. Конкретные задачи исследования обуславливаются: а) созданием полной сводки имеющегося материала и его классификацией; б) определением основных этапов хронологии пруссов; в) выявлением этнических признаков культуры пруссов, границ их земли.

1 Lowmianski H. 1958. S. 1-22.

2 Kilian L. 1980. S. 181.

3 Подробно ранняя библиография истории пруссов приведена в: Historia Pomorza. 1972. S. 330-334.

4 В настоящее время их местонахождение неизвестно. 6 Hensche W. 1871. S. 136.

6 Dewitz D. 1888. S. 169.

7 Vujack G. 1888. S. 169.

8 Heydeck J. 1888. S. 181.

9 Vujack G. 1890. S. 180; Heydeck J. 1890. S. 127-131.

10 Vujack G. 1878-1879. S. 64.

11 Lorek-Popelken H. 1885. S. 49.

12 Katalog .der Ausstellung. 1880.

13 Katalog. Des Prussia-Museum. 1897.

14 Kemke H. 1914. С. 1-57.

15 Hollack E. 1908b.

16 Пашуто В. Т. 1959. С. 116.

17 Engel C. 1931. S. 327.

18 Таутавичюс А. 3. 1968. С. 60-62.

19 Nalepa J. 1964.

20 Hollack E. 1908a. S. 179.

21 Bezenberger A., Peiser F. E. 1914. S. 241; 1909. S. 63; 1914. S. 127 - 180.

22 Dorr R. 1914. S. 3-10.

23 Hollack E. 1914. S. 285.

24 Gaerte W. 1929.

25 Ehrlich B. 1923. S. 197-200.

26 Neugebauer W. 1934. S. 321-325.

27 Grunert W. 1944. S. 16.

28 Heym H. 1938.

29 Werner J. 1933.

30 La Baume W. 1940. S. 84-87.

31 Gaerte W. 1931. S. 125-134.

32 Aberg N. 1919.

33 Gaerte W. 1929.

34 Engel C., La Baume W. 1937.

35 Arbusow L. 1939. S. 167-203.

36 Bohnsack D. 1938.

37 Engel C. 1932.

38 Engel C. 1939.

39 La Baume W. 1940.

40 Crome H. 1937, 1938.

41 Kleemann O. 1938.

42 Гуревич Ф. Д. 1960. С. 419-447.

43 Попытки подобной дифференциации предпринимались еще в довоенных исследованиях. См.: Engel C., La Baume W. 1937. S. 168-

44 Перцев В. Н. 1944. 1956.

45 Кушнер П. И. 1951. С. 112-272.

46 Пашуто В. Т. 1955, 1959.

47 Кулаков В. И. 1987. С. 221-225.

48 КОИХМ. Фонды.

49 Hafitka M. 1978.

50 Odoj R. 1970. S. 659-666.

- 51 Nowakowski W. 1979. S. 51, 63.
- 52 Pietrzak M. 1977. S. 152-157.
- 53 Kowalski J. 1987. S. 281-286.
- 54 Okulicz J. 1973.
- 55 Haftka M. 1972. S. 239-252.
- 56 Таутавичюс А. З. 1980. С. 80-87.
- 57 Седов В. В. 1987. С. 356-420.
- 58 Кропоткин В. В. 1967. С. 114.
- 59 Okulicz J. 1973. S. 448-451.
- 60 Engel C., La Baume W. 1937. S. 176-178.
- 61 Okulicz J. 1973. S. 476-491.
- 62 Sturms E. 1950. S. 21.
- 63 Кулаков В. И. 1981.
- 64 Кулаков В. И. 1986. С. 140.
- 65 Матузова В. И. 1979. С. 26.
- 66 Keltsch-Stein. 1881. S. 404; Кулаков В. И. 1987б. С. 96.
- 67 Вестенберг Ф. 1903. С. 146.
- 68 Матузова В. И. 1979. С. 85.
- 69 Пашуго В. Т. 1959. С. 500, 501.
- 70 Janssen H.-L. 1939. S. 193.

ПОСЕЛЕНИЯ ПРУССОВ VI - XIII вв.

Население междуречья Ногаты и Деймы в эпоху раннего средневековья селось в поселениях. К настоящему времени лучше исследована первая группа поселений пруссов позволили К. Энгелю выделить среди них два типа - мысовые городища на возвышенностях, окруженные кольцевым валом (Bergburg)¹. Типология укрепленных поселений на территории Калининградской обл., предложенная Ф. Д. Гуревич², практически ничем не отличалась от схемы К. Энгеля. Классификация городищ данной территории, изложенная В. С. Суворовым³ по системе, включающей аналитические принципы Ф. Д. Гуревич и А. Стубавса, не отличается объективностью*.

На материале 100 городищ, собранном в предлагаемой работе, можно вывести типологию поселений не только по принципу геоморфологической подосновы памятника, - но и учитывая принципы его фортификации.

Тип А (рис. 1). Традиционные для IV - V вв. н. э. мысовые городища этого типа расположены в основном на высоких берегах, имеют трапециевидную в плане площадку размером около 70x40 м, защищены с напольной стороны одним, реже - двумя валами. В VI-VIII вв. на городищах типа А по периметру площадки сооружались столбовые постройки, с IX в. на них появляются углубленные в грунт срубные жилища с печами-каменками, существующие до XIII в.⁶ Зачастую с напольной стороны городищ типа А расположены селища.

Тип Б (рис. 2). Расположены на локальных возвышенностях моренного происхождения (тем самым напоминая укрепленные поселения носителей культуры западнобалтийских курганов конца I тысячелетия до н. э.)⁷, зачастую среди болот, имеют площадки округлой формы диаметром не более 60 м, по периметру окружены одним или двумя валами высотой до 1,5 м, в заполнении которых встречены остатки костров, валуны и ямки от кольев⁸. Культурный слой на площадках городищ типа Б отсутствует⁹.

Тип В (рис. 3). Расположены на мощных всхолмлениях водораздельных возвышенностей, окружены двумя или тремя (нередко спиральными) валами. Площадки таких городищ имеют размеры до 125X74 м. Культурный слой здесь достигает мощности 1,5 м и содержит преимущественно следы пожара.

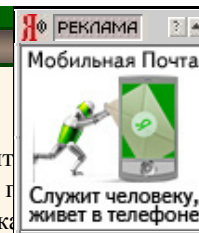
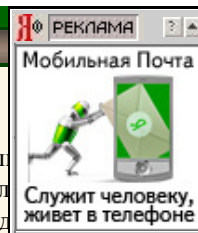
Тип Г (рис. 4). Расположены на мысах или моренных возвышенностях, имеют две площадки - цитадель и предградье, разделенные рвом. Каждая из двух площадок-городищ этого типа укреплена валом (цитадель - по периметру, предградье - с напольной стороны). Размеры предградья достигают 120X50 м. На площадках возводились как столбовые¹⁰, так и срубные¹¹ жилища с очагами. При въезде на предградье обычно располагалась башня на земляном основании¹². По гребню валов проходил парный частокол, укрепленный по основанию горизонтальными лагами. Пространство между вертикальными столбами частокола заполнялось грунтом с камнями¹³. В клетях у внутреннего фаса вала цитадели хранились припасы (например, зерно у северной части вала на городище Грачевка). Показательно, что городища типа Г зачастую использовались Тевтонским орденом в XIII-XIV вв. для возведения замков типа "Konwenthaus" (Толкмичко, Твангсте-Калининград, Каймен-Заречье и др.). Предградье не только сохраняло при этом функции поселения, но и подвергалось дополнительному укреплению.

Тип Д (рис. 5). Расположены на узких мысовых останцах речных берегов, имеют вытянутую площадку размером около 75X25 м, с напольной стороны укрепленную валом и рвом. В отличие от укрепленных поселений указанных выше типов данные городища обычно не имеют эскарпа склонов. Часто на поверхности вала, реже - на площадке этих городищ встречаются куски обожженной глины (остатки обмазки поверхности вала или полов жилищ). Открытые поселения представлены в земле пруссов двумя типами.

Тип 1. Селища, расположенные на возвышении первых надпойменных террас мелких рек и ручьев, обычно в их верховьях. Размеры их территории не превышают 60X50 м, культурный слой имеет мощность до 0,5 м. Селища типа 1 сопутствуют городищам типа А.

Тип 2. Поселения, расположенные на берегах рек в их низовьях. Их размеры не менее 300X130 м. В западной части поселения Варгенава (у пос. Малиновка), по данным аэрофотосъемки, отмечено овальное в плане пространство (20X15 м), по периметру ограниченное в настоящий момент запаханым рвом.

По ряду признаков к подобным объектам относится поселение Кауп. Данный памятник расположен на племенной границе пруссов и куршей, у пролива, соединявшего до XII в. Балтийское море и Курш-ский залив, т. е. на перекрестке торговых путей. Кауп имеет, судя по распространению культурного слоя, значительные размеры - до 480X290 м. В восточной части поселения возможно наличие цитадели. В плане его территория частично перекрывается курганно-грунтовым могильником, оставленным населением Каупа в IX-XI вв. Все эти признаки отвечают определению поселения типа вик, разработанному Г. Янкуном и дополненному В. А. Булкиным и Г. С. Лебедевым¹⁵. Кроме того, данный вывод подтверждается палеотопонимами округа Каупа (северо-восток

Калининградского п-ова), являющимися следами деятельности полиэтничного населения указанного пункта¹⁶. Как и в Гнездовском комплексе, на Каупе в конце IX в. происходит выделение дружинного контингента, осевшего на поселении Варгенава. К последнему относится могильник Ирзекапинис (прусское- "могилы гребцов"), где дружинные погребения характеризуются рядом несвойственных для родовых традиций черт обряда и инвентаря.

Г. Кроме собрал информацию о 97 валах (большая часть к настоящему времени не сохранилась), располагавшихся на западнобалтской территории, оккупированной в XIII в. крестоносцами. Возведение этих укреплений приписывается деятельности Ордена 17. Четыре вала преграждали доступ на н-ов Самбию в наиболее опасных участках, в том числе с югозападной стороны, что исключает возможность сооружения их крестоносцами. Такие валы сооружались пруссами. Один из них (Примерен) своей планировкой и тактическим назначением повторяет вал, перекрывавший доступ на Ютландский п-ов у Хэдэбу.

На семи городищах (Толкмизко, Беляны Велке, Богданы, Веклице, Дружное, Котельниково и Русское 2) проведен разрез валов. Основной тип конструкции оборонительных сооружений пруссов, обнаруженный в процессе исследований, - двойной частокол, заполненный грунтом и камнями. Вертикальные столбы обеих стен на нескольких уровнях соединялись горизонтальными лагами. На примере стены, перерезающей перешеек на подступах к поселению в уроч. Затон, можно предположить, что в ряде случаев мог использоваться каркас из бревен, соединенных между собой посредством пазов.

Двойной частокол был известен пруссам в предшествующее средневековью время, что подтверждается результатами раскопок городища Синявино²⁰. Аналогичные принципы сооружения оборонительных стен известны только по материалам раскопок славянских городищ VII-X вв. в Среднем Поморье²¹ и восходят, вероятно, к кельтским традициям.

На городищах Грачевка, Кошевое, Русское 2 и Медведевка зафиксирована вымостка внешних фасадов валов камнями небольших размеров. Они, как и на валу у Приморска²², являлись панцирями укреплений, сооруженных без каких-либо дополнительных деревянных конструкций.

Если в западной части Калининградской обл. панцирем вала служила каменная кладка, то на востоке области валы городищ типа Д покрывались слоями обожженной или тщательно утрамбованной глины.

Применение при фортификации каменных или глиняных панцирей валов, а также в других случаях деревянных внутренних конструкций у земляных укреплений отмечено в раннем средневековье у северо-восточных соседей пруссов - аукштайтов и литвы²³.

Для анализа принципов домостроительства пруссов в соответствующем каталоге собрано 25 комплексов, подавляющую часть которых можно считать остатками жилых помещений. Территория, с которой собран данный материал, представляет собой по берегу Балтики, ограниченное реками Ногата и Дейма.

Значительная часть представленного материала происходит из раскопок города Грачевка. В ходе работ практически полностью вскрыта мысовая цитадель городища (45 X 20 м). Культурный слой в ее юго-восточной части после завершения работ в 1951 г. был так охарактеризован Ф. Д. Гуревич: "Верхний слой, захвативший камни вала, простирался на глубину до 0,8 м. Далее на глубину 0,82-0,85 м шел слой черно-коричневой земли с очень небольшим содержанием находок, ниже которого на глубине 0,30-0,50 м (в целом на глубине 1,30-1,50 м - К. В.) начинался слой горелой земли и немногочисленных камней нижнего горизонта"²⁴.

На основании находок фрагментов керамики с лощением, с зашипами по венчику и с прорезным орнаментом²⁵ Ф. Д. Гуревич относит нижний слой к первой половине I тысячелетия к. э. На глубинах от 0,25 до 1,54 м, т. е. в пределах всех вышеописанных слоев, автор раскопок обнаружил девять прямоугольных в плане каменных кладок. Эти комплексы, внутри которых обнаружены как очаги с обкладкой из камней, так и скопления угля в открытом грунте, Ф. Д. Гуревич считает остатками столбовых жилых построек эпохи раннего средневековья²⁶. Скопление мелких камней, открытое по восточному краю раскопа, трактуется ею как "каменные мостки" или как остатки конструкции вала.

К сожалению, абсолютное восстановление картины расположения я конструкции вскрытых Ф. Д. Гуревич построек Грачевки невозможно. В отчетах и публикациях памятника отсутствуют профили бортов раскопа, большинство камней не имеют замеров глубины, находки не разнесены в пределах обнаруженных жилых комплексов, остатки керамической коллекций в основном депаспортизованы, местонахождение основной части керамики неизвестно. Единственно возможным путем исследования явилось сведение воедино планов раскопок 1959- 1961 гг. Последнее дало возможность выдвинуть предположение о наличии в восточной части раскопа остатков двух построек столбовой конструкции (рис. 6), несущие столбы которых были укреплены у основания кладками из мелких камней, с оставленными пустыми пространствами (возможно, ямы?) округлой формы, являющимися следами столбов. Эти кладки частично перекрываются прямоугольными в плане вымостками, сложенными из обращенных плоскими сторонами вверх крупных камней. Оба варианта каменных конструкций по виду различны.

Раскопками Ф. Д. Гуревич на площадке городища 1 Логвиново, имеющей размеры 60 X 30 м, вскрыта площадь 200 м², т. е. примерно четвертая часть всей территории. Первый раскоп располагался в западной части площадки, второй - в восточной, у основания внутреннего вала, ограничивающего городище с напольной стороны. Другой вал шел параллельно, но несколько восточнее. В обоих раскопах выявлен культурный слой толщиной до 0,5 м. Здесь встречены скопления камней, которые соответствуют остаткам четырех жилищ. Обнаруженные кладки близки по виду и параметрам кладкам городища Грачевка. Среди камней построек городища Логвиново обнаружено от одного до трех открытых очагов округлой формы, также окруженных камнями. В двух случаях очаги имеют глиняные поды. Как и жилища Грачевки, постройки Логвиново, полагает Ф. Д. Гуревич²⁷, также имели стены столбовой конструкции. На самом деле реально можно считать столбовым только помещение 4: его северо-восточный угол, обнаруженный в северной прирезке участка 2, представляет собой скопление ям с углистым заполнением. Документация раскопок городища 1 Логвиново, вскрывших остатки не менее пяти построек, содержит в ряде случаев глубинные замеры камней, расположение основных находок в пределах жилищ. Однако, как и для Грачевки, для жилищ Логвиново невозможно распределить керамический материал по отдельным жилым комплексам. Кроме того, нет уверенности, что

обнаруженные жилища вскрыты в пределах небольших раскопов ("участков") полностью. Местонахождение основной части керамической коллекции из раскопок городища 1 Логвиново неизвестно.

Городище Беляны Велке, расположенное на побережье Вислинского залива, раскапывалось М. Хафткой. Его территория имеет площадь 750 м². Пять раскопов, заложенных по краям площадки, вскрыли примерно пятую часть общей площади памятника, не более 180 м². В раскопе 1, у подножия, ограничиваю щего площадку с напольной стороны вала, обнаружены остатки жилища со столбовой конструкцией стен. Комплекс относится к позднему слою городища, датируемому по керамике XII-XIII вв. В это время, как считает автор раскопок²⁸, городище являлось убежищем, уничтоженным крестоносцами в 1237 г. Нижний слой, датируемый по керамике VI-VII вв., остатков жилищ не содержал.

Раскопки на селище 2 Малиновка производились в 1979 г. Балтийской экспедицией ИА АН СССР под руководством автора данной работы. Раскоп, заложенный в ходе археологических исследований, вскрыл 100 м², что составляет седьмую часть предполагаемой площади памятника. Культурный слой представляет собой серый суглинок толщиной от 0,4 до 0,8 м. На уровне предматерика в северной части раскопа обнаружены остатки столбового помещения 1 (рис. 7) с развалом печи-каменки, в южной-северо-восточная часть углубленного в землю помещения 2. Здесь находилась печь с остатками глиняного свода и четырьмя последовательно сооружавшимися подами. Обнаруженные находки позволили датировать помещение 1 IX-X вв., помещение 2 - X-XI вв. Материал из печи помещения 2 находит прямые аналогии в погребениях X-XI вв., расположен, ных в 0,6 м южнее могильника Ирзекапинис. Возможно, жители селища 2 Малиновка хоронили на нем своих умерших.

Работы, произведенные автором в 1980 г. на селище 3 Клиновка-Каменка, вскрыли 120 м², примерно девятую часть предполагаемой территории. Культурный слой в раскопе - плотный слабо золистый суглинок толщиной до 0,5 м. В южной части раскопа обнаружено помещение 1 - бессистемное скопление ям от столбов и кольев, не позволившее выявить очертания постройки, которая являлась, скорее всего, хозяйственным сооружением. К северу от помещения 1 обнаружен углубленный в грунт котлован, окруженный по периметру столбовыми ямами. В пределах жилища выявлены остатки открытого, ограниченного камнями очага (рис. 8); к северу от помещения 2 - развал камней второго очага. Дата этого жилища, судя по обнаруженной здесь кера мике, VI-IX вв.

Представленное выше состояние исследованности поселений пруссов пока не позволяет дать развернутую классификацию жилищ. На данном этапе работы представляется возможным, расположив жилища в хронологическом порядке, выявить основные типы построек. Учитывая неравноценный характер информации, полученной в результате раскопок исследователей на протяжении почти 100 лет, описание материала будет производиться на основе наиболее полно документированных комплексов. В рамках этого набора будут представлены постройки, характеризующие типы жилищ пруссов.

Тип 1. К VI-X вв. относятся наземные жилища с расположенными по периметру столбовыми ямами, восходящими к местным традициям раннего железного века²⁹. Примером таких построек может служить обнаруженное при раскопках селища 2 Малиновка помещение 1 (рис. 7). Последнее выявлено на глубине 0,35 м от современной дневной поверхности, представляет собой прямоугольное в плане пространство (5X3 м), ориентированное по линии север-юг, по периметру ограниченное ямами от столбов. Пять таких ям зафиксировано по углам и длинным сторонам постройки, их размеры до 1 X 1 м, глубина до 0,5 м от уровня материка. Шестая яма в юго-восточном углу жилища уничтожена поздним котлованом. Заполнение столбовых ям - углистый слой или предматериковый грунт. По южному контуру помещения прослежены четыре ямы от кольев глубиной до 0,3 м. В северо-восточной части постройки вскрыта прямоугольная в плане яма глубиной 0,93 м, заполненная колотым горелым камнем, наибольшая концентрация которого отмечена в ее верхней части. Грунт ямы - золистый, с мелкими углями. Здесь же встречены куски керамического шлака, фрагмент лощеного сосуда, куски костей животных. Видимо, это развал печи-каменки, рухнувшей в подпечную яму. С северо-запада к жилищу примыкает квадратное в плане скопление мелких камней (фундамент пристройки?). Инвентарь в пределах жилища-развал крупного сосуда со следами правки на кругу, гвозди. Помещение по инвентарю датируется IX-X вв.

Подобные по конструкции жилища обнаружены при раскопках городищ Логвиново (помещение 1), Беляны Велке (помещение 1), Русское (помещение 1). Для всех них характерно расположение в углу печей-каменок, при раскопках найденных в развалах. Две столбовые конструкции, открытые на городище Грачевка, отличаются от других подобных сооружений на поселениях пруссов отсутствием очагов к большими размерами (помещение 10 имеет размеры 16 X X 5 м). Эти сооружения можно трактовать как постройки хозяйственно-оборонительного назначения. Такие длинные дома возводились на городищах Литвы в начале II тысячелетия н. э.³⁰ Как и на городище Грачевка, на литовских городищах аналогичные постройки обнаружены у основания вала. При всей отрывочности полевой документации на плане помещения 10 (рис. 3) можно предполагать наличие двух входов (и соответственно трех отсеков) со стороны площадки. Такими входами можно считать перерывы в каменной кладке, крепившей столбовые конструкции стен, причем столбы, судя по их следам, стояли примерно через 2 - 3 м. В остатках не полностью вскрытого помещения 11 обнаружен перекрытый более поздним валом слой горелой пшеницы, что подтверждает трактовку постройки как сооружения хозяйственного назначения.

Тип 2. Со столбовыми жилищами помещение 2 селища Клиновка-Каменка сближает наличие ям от столбов и кольев. Однако котлован жилища позволяет выделить эту постройку особо. Помещение 2 (рис. 8) представляет собой выявленное на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности прямоугольное в плане углубление (5 X 1,4 м), ориентированное по линии запад-восток, глубиной от уровня материка 1 м. В юго-западной части котлована выбрана округлая в плане яма диаметром 1,5 м, впущенная в материк на 0,20 м ниже основного уровня дна. Заполнение этой ямы - интенсивно золистый суглинок. С запада вели две ступеньки. По северному краю котлована зафиксированы овальные в плане ямы 29 и 30, также заполненные золистым суглинком. В яме 29 под развалом мелких камней - остатков открытого очага - обнаружены остатки челюсти коня. Края всех ям и котлована

укреплены камнями. По периметру последний окружен ямами от небольших столбов глубиной до 0,3 м. В 1,5 м к северу от котлована обнаружен развал камней очага. Эти камни собраны в верхней части округлой в плане ямы, заполненной горелой землей и кусками угля. Инвентарь в котловане жилища и ямах - фрагменты лепной керамики с дополнительным обжигом, обломки костей животных.

Прямые аналогии этому жилищу найдены при раскопках селища Тумяны-Рыбачувка (Ольштынское воеводство, РП), причем здесь в помещении 3/73, как и в помещении 2 селища 3 Клинецовка-Каменка, под очагом выявлены остатки жертвы - зубы коня 3|. Инвентарь всех указанных жилищ позволяет датировать их VI -IX вв.

Тип 3. Из собранных в данной работе 24 построек половина представлена комплексами, при раскопках которых по периметру объекта зафиксированы отдельные камни, лежащие плоской стороной вверх. Типичной постройкой такого типа является помещение 3 городища Грачевка (табл. 1, рис. 4). Жилище обнаружено на глубине 0,75 м, представляет собой прямоугольную в плане каменную кладку (7 X 4 м), ориентированную по линии север-юг и состоящую из двух камер (рис. 9). По углам северной находились камни диаметром до 0,6 м, фиксированные снизу камнями меньших размеров. По центру каждой камеры располагался наполненный углями открытый очаг, окруженный камнями. У очага южной камеры найдены бронзовые браслет и ложновитой перстень, балка складных весов, обломки бубенчиков, фрагмент держателя подвесок, янтарная бусина, куски янтаря, стрела (рис. 10). По типу браслета жилище датируется XII-XIII вв. Несмотря на отрывочный характер полевой документации, его можно интерпретировать как остатки срубной постройки с уложенными под нижний венец камнями. Впервые эта гипотеза была высказана В. В. Седовым 32. Жилища подобного типа обнаружены на городищах Грачевка (помещение 1 - 9, среди них две двухкамерные постройки), Логви-ново (помещение 1-3,5), Русское (помещение 1), Веклице (помещение 1) (табл. 1). В последнем жилище сохранились остатки пола и нижнего венца сруба, который покоился на камнях фундамента. Кроме этих камней, характерными признаками таких построек являются размещение очагов (иногда с глиняным подом) в центре жилища, куски глиняной обмазки (остатки покрытия стен), найденные среди камней фундамента, наличие в ряде случаев фундаментов пристроек. При раскопках расположенного на берегу Вислинского залива городища Богданы обнаружены остатки сгоревших деревянных жилищ размером 4 X 3 м без столбовых ям. Возможно, они также относятся к описанному выше типу жилых сооружений. Данный тип жилища у пруссов зафиксирован в X-XIV вв. Следует отметить, что срубы с очагами, имеющими глиняный под, появились в Прибалтике уже во II -III вв. н. э.³⁴, причем срубные жилища Литвы в V-VIII вв. уже имели устойчивые размеры около 4 X 4 м 35. Срубные постройки городища Грачевка конструктивно (остатки обмазки стен 36, каменное основание сруба 37) находят прямые аналогии в домостроительстве латгалов, земгалов и древних литовцев.

Собранный к настоящему времени материал, содержащий данные о срубных постройках пруссов, не позволяет пока делать однозначные выводы. Однако в виде предположения можно выдвинуть тезис о том, что к началу II тысячелетия н. э. такая конструкция жилья была основной для населения междуречья Ногаты и Деймы. Вполне вероятно, что жилища пруссов этого времени не походили на общеизвестные срубные постройки восточных славян, а имели, как жители Западной Литвы X-XIV вв., поднимающиеся от нижнего венца вертикальные угловые столбы. Это сходство связано и с принципами оборонительных сооружений пруссов. Здесь в пазы вертикальных столбов вставлялись горизонтальные лаги, а в жилищах короткие вертикальные столбы или плоские камни поддерживали нижние венцы срубов, тем самым предохраняя их от гниения³⁸. Наличие подобной конструкции стен подтверждается данными "Помезанской правды" (1340-1433 гг.). В ст. 44 "О нападении в доме" упоминается столбовая конструкция стен усадьбы, а в ст. 87 "О домашнем мире" зафиксировано: "В чьих четырех (дома или ограды) столбах будет нарушен мир, тому причитается половина (возмещения) домашнего мира"³⁹. Другие источники также упоминают отдельные детали конструкции и интерьера прусских жилищ XIV -XVI вв., времени дальнейшего развития домостроительства пруссов. В "Хронике Пруссии" Петра фон Дус-бурга (начало XIV в.) имеется такая запись: "...Криве безо всякого колебания показывал и то, как мертвый распоряжается одеждой, орудием, конями и челядью, и для вящейубедительности говорил, что на притолоке дома своего он оставил такой-то след копьём или другим орудием"⁴⁰. Этнографические сведения XVI в. содержат следующую информацию о домах пруссов. Постройки этого времени сооружались местным населением из дерева (стены) и соломы (крыша), в плане имели овальную форму (?). Существовало два типа построек: *patnis* - дом, отапливаемый по-черному, при помощи открытого очага, ограниченного камнями - *stabni* и *urnnode* - дом с глинобитной (?) печью *wTimpnis* - для выпечки хлеба. В печи последнего обыкновенно имелось углубление для углей, которыми разжигался огонь на следующий день. Возможно, этот уголь мог быть использован и для отопления ночью. В материалах по прусской этнографии существуют понятия *buttan* (сени), *lanxto* (окно), *langalis* (отверстие в крыше или стене для выхода дыма из очага), *luckis* (лучина), *maltuwa* (помещение для жерновов [пристройка?])⁴¹. Эти термины предположительно связать со срубными жилищами так как указанные их элементы существовали у пруссов, возможно, уже к началу II тысячелетия н. э.

Кроме упомянутых выше трех типов жилищ, известны два помещения городища Мыслентин, представленные котлованами без окружающих столбовых ям. Один из них представляет собой помещение 1, обнаруженное на глубине 0,30 м. Это прямоугольное в плане углубление (6 X 2 м), ориентированное практически по линии север -юг, глубиной до 0,4 м от древней дневной поверхности. В северной его части найдены остатки округлой в плане печи (в яме?) диаметром около 1,7 м. В печи прослежен слой угля. В заполнении котлована жилища выявлены фрагменты круговой керамики со слабо отогнутым венчиком, орнаментированной прорезными линиями штампом. Помещение по инвентарю датируется X - XI вв.

Аналогичные по конструкции жилища зафиксированы на городище Франкново (четыре постройки)⁴² Расположенные на пограничье прусских и мазведских земель, его жилища также датируются X - XI вв.

Размещение жилищ в пределах поселения и наличие строительных периодов можно попытаться восстановить только на примере практически полностью раскопанной малой площадки городища Грачевка. Открытый материал позволяет выявить ранний этап

застройки площадки - XI-XII вв. В это время, судя по плану (рис. 9), сосуществовали две длинные столбовые постройки оборонительно-хозяйственного назначения и пять срубных. Все эти дома образовывали улицу, ориентированную параллельно большому диаметру площадки по линии северо-запад-юго-восток. Въезд на площадку, по-видимому, находился с запада и осуществлялся при помощи моста, перекинутого через находящийся в этом месте ров. Судя по наличию в пределах помещений 10 и 11 слоя пожара, постройки рассматриваемого горизонта были уничтожены огнем. Не исключено, что перед их сооружением поверхность площадки была разровнена, на что указывает скопление керамики в северо-восточной ее части (более 383 фрагментов). Видимо, тогда же малая площадка была отделена от остальной территории городища. Правда, соотносить это предположение с выявленными здесь Ф. Д. Гуревич в культурном слое тремя напластованиями не представляется возможным. Вполне возможно, что определенный автором раскопок слой черно-коричневой земли, перекрывающий "слой нижнего горизонта"⁴³, и является следами пожара помещений первого строительного периода. В пользу этого говорит и глубина залегания жилищ (менее 1 м). Следующий строительный период представлен остатками трех жилищ, непосредственно перекрывающих камни фундаментов более ранних построек⁴⁴. Датировку позднему этапу застройки площадки дает материал из южной камеры помещения 3, относящийся к XII-XIII вв. Расположение жилищ в данном случае не дает возможности говорить о наличии здесь улицы. Такой же вывод следует из попытки воссоздания планировки городища 1 Логвиново.

Таким образом, на основе разбора 24 построек раннесредневековых пруссов можно сформулировать ряд положений, заключающихся в следующем. Столбовые постройки на поселениях междуречья рек Ногаты и Деймы известны с эпохи энеолита⁴⁶. В эпоху раннего железа и в первой половине 1 тысячелетия н. э.⁴⁷ предки пруссов - эстии - продолжали сооружать жилища только столбовой конструкции. Вероятно, уже к середине 1 тысячелетия н. э. у пруссов, как и у соседних балтских племен, появляются срубные постройки. Однако конкретные доказательства этого факта пока отсутствуют. К указанному времени относятся обнаруженные в ареале пруссов две нехарактерные для балтов углубленные в грунт постройки со стенами предположительно срубной конструкции. Их наличие на территории мазурской культурной группы (селище Тумяны-Рыбачувка, VI - начало VIII в.)⁴⁸, имевшей разноэтничное население⁴⁹, а также конструктивные особенности этих сооружений (например, остатки глиняной обмазки стенок котлована) позволяют выдвинуть гипотезу о восприятии такого рода построек населением Мазур от славян, пришедших с Подунавья, или от соседствующих славян-мазовшан. У последних жилища этого типа впервые фиксируются не позднее VI в.⁵⁰ Приведенный выше разбор жилищ пруссов позволяет выдвинуть предположение о том, что столбовые конструкции, традиция сооружения которых жила на западной окраине балтского мира еще с 1 тысячелетия до н. э., безраздельно господствовали в домостроительстве пруссов минимум до IX в. В середине 1 тысячелетия н. э. под влиянием извне как исключение появляется столбовая постройка с углубленным в грунт котлованом (результат смешения различных культурно-этнических традиций). Начиная с X в. пруссы, как и остальные балтские племена, начинают самостоятельно овладевать приемами сооружения срубных жилищ.

К настоящему времени в Зеленоградском р-не Калининградской обл. сохранился только один дом со столбами, поддерживающими крышу, и с фахверковой конструкцией стен. Он расположен к югу от пос. Покровское, его размеры 25 X-5 м. Помещение разделено перегородками на три отсека, покрыто соломой. Не исключено, что дом сооружен местными жителями в первой половине XIX в. Его внешнему виду и параметрам совершенно аналогичен дом в пос. Безмянка (Зеленоградский р-н). Этот дом сооружен на основании из кирпича, стены также сложены из кирпича. Постройка разделена на три отсека, причем в среднем располагается хлебная печь. Резко отличаясь от окружающей их типично средневропейской сельской застройки, эти дома донесли до нас средневековые традиции домостроительства пруссов.

Определение назначения поселений пруссов на данном этапе исследования является предварительным. Наиболее распространенные в 1 тысячелетии н. э. городища типа А являлись, скорее всего, местом обитания родовой общины. Это явствует из сообщения Вульфстана (888 - 893 гг.): "...она (земля пруссов. - К. В.) очень велика, и там много городов и в каждом городе есть король. . . и много войн бывает у них" м. Полученная в ходе раскопок немногочисленная информация позволяет датировать время существования городищ типа А VII-XI вв. Нижнюю их границу определяет сообщение Галла Анонима, сообщавшего о зимнем походе 1110-1111 гг. в землю пруссов польского короля Болеслава III: ". . .он (король. - К. В.) не остановился ни в одном месте и не осаждал ни крепостей, ни городов, так как их там не было. . ." ⁵² Этот поход мог косвенно способствовать появлению в XII в. валов, преграждавших наиболее уязвимые подступы в землю пруссов, стимулировать строительство снабженных мощными укреплениями городищ типов В и Г. Первые по своим признакам несколько напоминают древнерусские замки XI - XIII вв. ⁵³ Данные прусские укрепления, служившие в первую очередь объектами нападения в середине XIII в. крестоносных войск, могли быть резиденциями феодализирующейся прусской военно-административной знати (Nobiles et Capitanei) ⁵⁴, местами сборов народного ополчения, находившегося под руководством последней. Атрибуцию городищ типа Г необходимо проводить с учетом факта использования Орденом этих укрепленных поселений для возведения построек хозяйственно-оборонительного назначения - замков типа Kopwenthaus. В них наряду с завоевателями проживало и зависимое прусское население. Рассматривая поздние городища типа Г как монастырские вотчинные хозяйства, можно предполагать (судя по конструктивному сходству) наличие зависимого населения и в более ранних поселениях этого типа. Распределение поселений по типам (в пределах земли сембов) показывает наличие в каждом скоплении памятников, соответствующих прусской волости, одного-двух городищ типа Г⁵⁵. Здесь они представлены наряду с городищами типа Б, справедливо трактованными Эд. Штурмсом как места народных собраний ⁵⁶. Обязательное присутствие в составе волостей памятников этих двух типов предполагает их взаимную связь. Не исключено, что городища типа Г являлись местом пребывания высшего органа волостей - "господы", осуществлявшей власть между народными собраниями ⁵⁷. Члены этого исполнительного органа, возможно, обладали зависимыми крестьянами, жившими на предградьях городищ. Наконец, городища типа Д можно гипотетически связать с укреплениями, возводившимися пруссами в ходе освоения новых земель к востоку от р. Деймы или в процессе борьбы с крестоносцами. Так или иначе, до середины XII в. наличие городищ

этого типа материально не подтверждено. Отсутствие здесь эскарпов на склонах, небольшие, как бы наспех сделанные укрепления не противоречат выдвинутым выше предположениям.

Открытые поселения типа 1 являются поселками хуторского типа, состоящими, судя по данным аэрофотосъемки, из трех-пяти наземных построек, располагавшихся бессистемно. По своим параметрам эти селища близки к размерам предградий городищ типа Г.

Поселения типа 2 выделяются на фоне остальных открытых поселений пруссов своими размерами. Рядом с поселениями Варгенава и Кауп находятся дружинные могильники. Первые, скорее всего, состояли из ремесленников, воинов, торговцев, выделившихся из родовой среды и селившихся уже не на традиционных городищах типа А или поселениях небольших размеров. Варгенава, Кауп и Сосновка расположены в удобных для торговли и судоходства местах, рядом с устьями рек. Присутствие этих поселений в северо-восточной части Самбии, где в IX-XI вв. отсутствуют традиционные городища типа А, свидетельствует об ослаблении в данном микрорегионе родовых отношений.

Напротив, в западной части Самбии главную роль играли крупные поселения торгово-ремесленного типа: сначала Кауп, потом Варгенава и Сосновка. К концу XI в. относится их затухание. Основными поселениями на Самбии в XII-XIII вв. являются селища типа 1, во всяком случае одно из них представляет собой в начале XIII в. феодальную усадьбу (селище Вишнево, усадьба викинга Юнанда де Возегава). В этом хронологическом отрезке группы поселений в северной Самбии оформляются в волости и к началу XIII в. существуют уже повсеместно.

Итак, анализ поселений, приемов фортификации и домостроительства средневекового населения междуречья Ногаты и Деймы показал самобытные черты культуры пруссов, выявил на материале домостроительства контакты с соседними племенами, конкретизировал этапы разложения родового строя и становления феодальных порядков.

- 1 Engel C. 1932b. S. 53.
- 2 Гуревич Ф. Д. 1960. С. 340.
- 3 Суворов В. С. 1984. С. 63.
- 4 Кулаков В. И., Пронин Г. Н. 1987. С. 269, 270.
- 5 Odoj R. 1968. S. 117.
- 6 Dabrowski K. 1970. S. 69, 70.
- 7 Okulicz L. 1976. S. 220.
- 8 Engel C. 1932b. S. 53, 54.
- 9 Engel C. 1938. S. 156.
- 10 Heym W. 1930. S. 48.
- 11 Гуревич Ф. Д. 1960. С. 439, 440.
- 12 Ebert M. 1926. Taf. 32.
- 13 Ehrlich V. 1931. S. 56.
- 14 Гуревич Ф. Д. 1960. С. 421.
- 15 Булкин В. А., Лебедев Г. С. 1974. С. 15-17.
- 16 Кулаков В. И. 1988. С. 130, 131, рис. 3.
- 17 Crome H. 1937. S. 73.
- 18 Кулаков В. И. 1985а. С. 85, рис. 3.
- 19 Klindt-Jensen O., Epræn S. 1970. P. 167.
- 20 Crome Я. 1940. S. 37-39.
- 21 Leciejewicz L. 1976. Rye. 72.
- 22 Gaerte W. 1935. S. 76.
- 23 Седов В. В. 1987. С. 390, 394.
- 24 Арх. ИА АН СССР. № 599.
- 25 Гуревич Ф. Д. 1960. С. 353, 354.
- 26 Там же. С. 365-367.
- 27 Там же.
- 28 Haftka M. 1973. S. 150.
- 29 Gaerte W. 1937. S. 84.
- 30 Daugudis V. 1978. P. 31, 32.
- 31 Baranowski T., Dabrowski K., Kowaczyk D., Meyza K. 1975. S. 213, 214.
- 32 Седов В. В. 1975. С. 301.
- 33 Odoj R. 1970. S. 664.
- 34 Седов В. В. 1975. С. 252.
- 35 Daugudis V. 1982. P. 55.
- 36 Седов В. В. 1975. С. 290-294.
- 37 Karnups A. 1938. Abb. 5.
- 38 Седов В. В. 1987. С. 400.
- 39 Пашуто В. Т. 1955. С. 147.
- 40 Матузова В. И. 1986. С. 67.
- 41 Fischer A. 1937. S. 18.

- 42 Dabrowski T. 1970. S. 69, 70.
- 43 Арх. ИА АН СССР. № 599.
- 44 Гуревич Ф. Д. 1960. С. 368, рис. 37.
- 45 Okulicz L. 1976. S. 221.
- 46 Gaerte W. 1937. S. 84, 85. Abb. 1.
- 47 Gaerte W. 1929. S. 249.
- 48 Varanowski T., Dabrowski K., Kowalczyk D., Meyza K. 1975. S. 213, 214.
- 49 Кулаков В. И. 1986. С. 140.
- 50 Gierlach B. 1975. S. 41, tab. V.
- 51 *Scriptores rerum prussicarum*. S. 733.
- 52 Галл Аноним. 1961. С. 132.
- 53 Раппопорт П. А. 1961.
- 54 Пашуто В. Т. 1959. С. 117.
- 55 Кулаков В. И. 1985а. С. 87.
- 56 Sturms Ed. 1938. S. 130.
- 57 Пашуто В. Т. 1955. С. 74, 75.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Древности пруссов изучаются археологией на протяжении полутора столетий, специально еще не рассматривались. Внимание исследователей было сосредоточено на раскопках могильников. Результаты этих работ были суммированы в работе Я. Ясканиса, охарактеризовавшей первый половины I тысячелетия н. э. следующим образом:

Признаки, общие для всей культуры в целом: а) ведущий вид памятника - грунтовой могильник с биритуальным обрядом, причем для IV-V вв. количество трупосожжений возрастает; б) трупоположения имеют в основном северо-западную или северную ориентировку; в) трупосожжения производятся на стороне, перекрываются в могиле мощными каменными кладками, урновые погребения преобладают; г) погребальный инвентарь представлен единими категориями и типами артефактов¹, включающими предметы вооружения; д) на могильниках встречены "княжеские" захоронения (могилы родовой знати) с большим количеством вещей². При помощи дробного анализа деталей погребального обряда выделены региональные группы западнобалтской культуры, соответствующие ареалам обитания племен эпохи раннего средневековья: 1) самбийско-натангйская группа характеризуется распространением захоронения коня с подогнутыми ногами, сопровождаемого снаряжением для верховой езды и расположенного рядом с могилой хозяина, урнами типа Гребитен; 2) мазурская группа, разделенная, в свою очередь, на подгруппы: мронговскую (отсутствие каменных кладок над могилами)³ и сувальскую (биритуальные захоронения под каменно-земляными насыпями)⁴. Сувальская подгруппа соответствует позднейшим ятвягам⁵. Расположенные на территории мронговской подгруппы могильники VI-VII вв. содержат урновые трупосожжения, что не соответствует прусским древностям. Мазурская культурная группа, возникшая на западнобалтском субстрате в начале VI в., включала разноэтничные элементы, в основном среднедунайского происхождения⁷, и к прусской культуре непосредственно не относится.

Погребальные памятники, являющиеся в настоящий момент основным источником для анализа культур населения юго-восточной Прибалтики раннего средневековья, представлены в настоящей работе следующим образом. Привлечены данные 100 могильников, включавших 1117 исследованных комплексов (из них содержат возможный максимум информации 424 погребальных комплекса, с неполной информацией - 472, отдельных захоронений коней - 121).

Погребальными памятниками пруссов эпохи средневековья являются грунтовые могильники. Они располагаются как на побережье Балтийского моря и Калининградского (Вислинского) залива (не ближе 1 км от уреза воды), так и на высоких берегах Преголи, Лавы, Деймы, Ногаты; весьма часто в непосредственной близости протекает небольшой ручей, впадающий в более крупный водоем. Могильник зачастую не связан с находящимся поблизости синхронным поселением. Тенденцией местонахождения могильников пруссов является их расположение в центре или на склоне возвышенности, представляющей собой береговое всхолмление или мелкий водораздел ледникового происхождения. Погребения эпохи средневековья соседствуют с могилами более раннего времени на 21 памятнике.

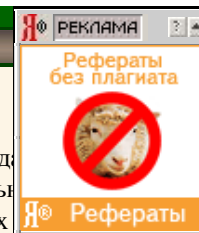
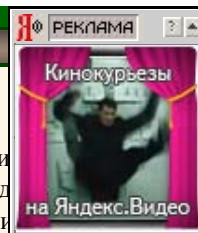
В пределах могильников погребения располагаются рядами. Такой принцип размещения курганов на данной территории известен еще с эпохи бронзы⁸. Ряды могил на кладбищах пруссов пересекают ось, вдоль которой вытянута занятая могильником возвышенность под прямым углом. Четкие в плане очертания погребальных памятников предполагают существование в древности кладбищенских оград⁹.

Изредка среди погребений раннесредневековых могильников пруссов встречаются открытые культовые площадки, связанные с отправлением загробных ритуалов (прусское *sarupn, karas* - "место погребения", древнерусское - "капище"?), известные на Ирзекапинисе, в Дубровке, Крентовинах, Монтыках¹⁰. На территории Литвы и Латвии аналогичные святилища датируются XIII в.¹²

Сожжение покойных происходило на стороне, обычно на краю могильника, в ямах размером до 10-15 м, глубиной до 0,5 м. В остатках погребального костра здесь обнаружены обломки кальцинированных костей, фрагменты керамики, остатки металлических предметов¹³, не взятые в могилу.

Письменные свидетельства о погребальном обряде пруссов восходят к концу IX в. Этим временем датируется сообщение Вульфстана о преобладающей у них кремации: ". . . И у эстов (прусов - К. В.) в обычае, чтобы люди каждого племени сжигались, и если кто-то найдет одну несожженную кость, они должны совершить большое приношение"¹⁴. Традиция выкупа останков у пруссов сообщалась и в начале XI в.¹⁵ Кремация прусских воинов-всадников, павших при осаде Мемеля в 1253 г., упоминается в Ливландской хронике¹⁶. Итак, по данным источников, характерными для прусской раннесредневековой культуры признаками можно считать кремацию и конские захоронения, встречающиеся среди погребальных древностей других балтских племен¹⁷. Конкретную картину погребальных обрядов может дать анализ грунтовых могильников, раскопанных в земле пруссов. Для этой цели привлечены три грунтовых могильника, расположенные на западной и восточной окраинах и в центре указанной территории, - г. Эльблонг (ул. Армии Червоней), Суворове и Ирзекапинис. Результаты анализа будут скорректированы данными остальных известных погребальных памятников пруссов, что позволит создать целостную картину развития погребальных традиций населения этого региона.

Основу для таких исследований составили 289 комплексов могильника Суворове, содержащие максимум информации. Признаками, проявляющимися во всех без исключения погребениях массива, являются "трупосожжение", "грунтовая яма без сохранившихся внешних признаков", "сожжение останков умершего на стороне". Ввиду того что реализация этих признаков полная, их можно считать обязательными для всех погребений. Признаки погребального обряда распадаются на внешние (форма

могильной ямы, параметры ее в метрах - длина-диаметр, ширина, глубина, ориентировки могильной ямы) и внутренние (форма и местоположение каменных конструкций, расположение костей в яме, присутствие остатков погребального костра, наличие в яме целых и фрагментированных керамических и иных сосудов - не урн), тип сопровождающего погребение конского захоронения, представляющие все аспекты структуры погребений массива.

Все эти признаки наблюдаются на могильниках междуречья Ногаты и Деймы на протяжении VI - XIII вв. В пределах этого хронологического отрезка довольно постоянны и соседствующие с регионом культуры: с северо-востока - ламаты и скальвы (обряд - грунтовые могилы с кремацией и ингумацией, конские захоронения редки), с востока - северный вариант судавской культуры (кремация в каменных курганах), с юго-востока - южный вариант судавской культуры (подкурганые захоронения с мощными каменными конструкциями и конскими захоронениями)²⁰, с юга и юго-запада - мазовецкий и поморский варианты западнославянской культуры (грунтовые с каменной обкладкой и курганые могильники с биритуальным обрядом, без конских захоронений)²¹. Археологические культуры устья и нижнего течения Немана требуют специального рассмотрения, которое пока нецелесообразно ввиду отсутствия необходимого количества данных.

Погребальные памятники пруссов с обрядом кремации территориально распределяются на две группы.

Группа 1 занимает Калининградский п-ов (Самбия) и прилегающие земли. С этой территории имеется информация о 723 кремациях с 38 могильников. Обязательной формой могильной ямы здесь является овал, реже встречается круглая форма могилы. Длина овальных ям от 0,82 до 1,30 м, диаметр круглых могил от 0,40 до 1,3 м, глубины от 0,20 до 0,80 м. Преобладающее направление ориентировки для овальных ям по линии северо-запад - юго-восток. Каменные кладки ввиду многовековой распашки могильников выявляются, видимо, неадекватно, они встречены в 39 % погребений массива.

Только на могильнике Детлесру они присутствуют на всех погребениях. Кладки обычно повторяют форму могильной ямы. Остатки кремации в 46 % массива представляют собой кучно лежащие кальцинированные кости. Показательно, что в 15 случаях на разных памятниках обнаружено от двух до четырех групп костей в одной могиле. Предметы инвентаря в этих комплексах сгруппированы соответственно количеству кучек костей. Такая деталь обряда интерпретируется как свидетельство групповых захоронений²², что находит подтверждение и в письменных источниках²³.

Урновые захоронения не характерны для погребений этой группы и составляют 7 % массива.

В заполнении более половины комплексов группы 1 встречены золисто-углистые остатки погребального костра (ОПК). На могильниках Кострово II, Муромское, Ирзекапинис этот слой представлен мощным зольником, перекрывающим помещенные в ямы остатки сожжения и вещи, причем среди последних также встречаются зола и крупные куски угля. В некоторых могилах Ирзекапиниса наблюдается вторичное сожжение на носилках *in situ* и сожжение коня на деревянном помосте.

Целые керамические сосуды встречены только в 27 % погребений массива, в остальных могилах обнаружены отдельные фрагменты керамики, изредка обожженные с обеих сторон. На могильниках Ирзекапинис и Муромское найдены бронзовые блюда, в ряде случаев обращенные вверх дном и перекрывающие кости и ОПК. В таком же положении часто находятся и керамические сосуды. Это указывает на их своеобразное использование для переноса костей с костра к погребению. Промежуточным моментом использования керамики между описанным выше принципом и урновыми захоронениями эстов II - V вв. являются сосуды, обнаруженные в могилах "Горы Великанов" (Доброе). Здесь в погребениях начала VI в. керамические изделия с прахом помещаются на слой ОПК и затем нарочито разбиваются камнями.

Наконец, в 35 % погребений под остатками сожжения на глубине до 1,2 м от современной дневной поверхности находились захоронения от одного до трех коней. На могильниках Самбии встречены только черепа и кости ног коней, что предполагает помещение в могилу лишь шкур животных. Череп коня в этих случаях ориентируется на запад или юго-восток. Конские захоронения обязательно сопровождаются снаряжением для верховой езды (удила, стремяна, редко - остатки седла и шпора, оголовье и ремни сбруи).

В пределах территориальной группы 1 погребения по обряду трупосожжения на стороне можно типологизировать так (рис. 11): вариант 1.1.1 - кучка костей в урне, конь к западу; вариант 1.2.1 - кучка костей в округлой яме, конь сбоку. Погребения обоих вариантов - под каменными кладками. Подтип 2.1 - кальцинированные кости рассеяны в верхнем ярусе ямы среди остатков погребального костра, конь - ниже; подтип 2.2 - кости рассеяны среди остатков погребального костра, здесь же - останки коня со снаряжением; подтип 2.3 - кости рассеяны среди остатков погребального костра, конь - сбоку.

Группа 2 занимает южную часть побережья Ви-слинского залива, к востоку от устья р. Ногаты. С указанной территории имеется информация с 210 погребений по обряду трупосожжения, происходящих с семи могильников.

В 50 % общего массива группы отмечены перекрывающие погребения каменные конструкции, представляющие собой в основном мощные, в несколько слоев округлые кладки (могильники Серпин, Пасленк, Ленче, Эльблонг [северная сторона ул. Армии Червоней]). В 30 % погребений обнаружены кальцинированные кости, собранные в кучку, что при всей спорадичности информации встречается и на остальных памятниках группы.

Присутствие остатков погребального костра в заполнении могильной ямы является обязательным признаком обряда группы, что реализуется как на 82 % погребений анализированного массива, так и в ряде других памятников группы.

Керамические сосуды, видимо, выполняли функцию, адекватную функции керамических и бронзовых сосудов в группе 1, - перенос костей с погребального костра к могиле. Собранные таким образом кальцинированные кости сопровождалась в основном принадлежностями одежды и украшениями. Изредка встречающиеся однолезвийные мечи и копья помещались в яму горизонтально и параллельно оси ямы. Ритуальная порча оружия отсутствует полностью.

В 22 % погребений общего массива в нижней части могильной ямы присутствует захоронение коня (только одиночные захоронения).

Кони в погребениях группы обычно находятся в общей с трупосожжением овальной яме, ниже кальцинированных костей, при максимальной глубине ямы 1 м от древней дневной поверхности. Кони помещались в яму целиком с подогнутыми конечностями

и иногда головой, находившейся между передними ногами, и ориентировались обычно на юг. В зубах черепа обязательно присутствуют кольчатые удила, на черепе - оголовье с бронзовыми накладками.

На материале группы 3 полностью реализуется наличие подтипов 1.1, 1.2, 2.1. Могильники Мазурского Поозерья (западная часть) по данным погребального обряда начала VI в. не сходны с описанными выше двумя группами прусских памятников. В 309 погребениях VI - VIII вв., известных к настоящему моменту на Поозерье, преобладает урновое сожжение, находящее по количеству признаков довольно слабые аналогии с прусскими трупосожжениями подтипа 1.1. По вещевому материалу только отдельные погребения могильника Ментке начала VI в. можно считать прусскими, однако наличие в них урн с ритуальными отверстиями вычленяет эти древности уже на раннем этапе существования мазурской культурной группы, выделяя ее из состава прусской культуры.

ИНГУМАЦИЯ

Данный обряд, на протяжении почти всего I тысячелетия н. э. не использовавшийся пруссами, в эпоху средневековья появляется не ранее начала XII в. К настоящему времени известны 93 труположения XII - XIII вв. с И могильников. Ни на одном из памятников этот способ захоронения не образует локального участка и встречается рядом с трупосожжениями. Только на могильнике Штангенвальде, датирующемся XIII-XIV вв., труположения являются единственным обрядом. Как уже отмечалось, в XIII в. кремация является привилегией знатных воинов. Кроме того, для ингумации пруссов характерно присутствие украшений, деталей одежды, пояса, предметов труда - атрибутов жизни простого общинника, основой жизни которого являлось земледелие. Видимо, и смену погребального обряда можно по аналогии со скандинавской традицией²⁴ связать с ростом роли земледелия, развитием на его базе новой идеологии.

При наличии весьма отрывочных сведений о чертах такого обряда труположения пруссов можно описать следующим образом. Характерным вариантом ориентировки является положение скелета головой, на север - 58 % от всего массива. Варианты положения рук умершего ввиду неполноты информации представлены довольно выразительно: 25 % -руки на корпусе, в районе пояса или таза, 10 % -руки перекрещены на груди. В заполнении 15 % погребений присутствуют остатки погребального костра, причем только в трех случаях это связано с переотложенным заполнением более раннего труположения. Совмещение с более ранними кремациями отмечено в 21 % от общего числа ингумации. Конские захоронения связаны с 32 % погребений массива. Среди них 12 % находятся под костяком человека, 10 % - рядом с ним. Последний вариант предполагает возможность захоронения коня именно в ногах человеческого скелета, что отмечено на могильнике Давыдовка, где поза захороненного животного являла собой полную аналогию разбиравшимся выше конским захоронениям под кремациями - целый скелет коня с поджатыми ногами. Кроме того, в 10 % погребений конские захоронения обнаружены над костяками людей, причем в погребении 36 могильника Орехово в таком положении отмечены кости двух коней со следами расчленения, уложенные в грунт компактно. Такие захоронения сопровождаются обычно минимумом предметов набора для верховой езды - парой стремян, удилами (нередко - в зубах черепа).

Из всего массива ингумаций выделяются комплексы могильника Штангенвальде. Основной вариант ориентировки костяка на этом памятнике головой на северо-запад. Остатки погребального костра здесь редки, могилы ни разу не прорезают более ранние захоронения, погребения коней отсутствуют. Черты обряда могильника Штангенвальде находят полное соответствие в традициях могильника Рувнина Дольна, оставленного пруссо-явтяжским населением Судавии в XIII-XIV вв.²⁵ Так же датируется и Штангенвальде, где захоронили своих мертвых находившиеся, видимо, под прусским влиянием курши.

Среди всего массива ингумаций особняком стоят погребения I-V могильника Коврова, выделяемые в вариант ингумаций "а". Они представляют собой остатки труположений на помостах (сохранились следы от ям для кольев). После сгнивания этих помостов остатки разрозненных птицами и хищниками костяков падали на землю. В ряде случаев остатки таких труположений сопровождаются останками животных (заупокойные жертвы), пронизываются более поздними трупосожжениями (как правило, безынвентарными). Последнее находит аналогии в материале других могильников с ингумацией (остатки погребального костра в могиле). Возможно, вариант "а" - переходный этап между трупосожжениями и труположениями или, что тоже не исключено, особый, сугубо локальный обряд захоронения человеческих останков, практиковавшийся пруссами крайне редко.

Итак, погребения по обряду ингумаций, оставленные населением междуречья Ногаты и Деймы в эпоху раннего средневековья, подразделяются на две группы. В процессе анализа массива выяснилось, что, кроме указанных выше признаков, "скелет, помещенный в могильную яму", и "могильная яма в форме овала", группы объединяют общие тенденции в зональном расположении предметов погребального инвентаря, имитирующие прижизненную ситуацию, и признак "скелет с вытянутыми ногами, лежащий на спине". В свете этого необходимо отметить, что все анализированные ингумированные погребения представляют массив более компактный, нежели могилы с кремацией..

Отдельные конские захоронения представлены 121 комплексом. Они обнаружены в пределах могильников среди остальных погребений. Конские захоронения образуют отдельную группу только на могильнике Тюленино. Единственным полноценно представленным параметром в таких захоронениях является замер глубины могилы - от 0,10 до 1,70 м. Для некоторых подобных захоронений присущи ямы исключительно овальной формы, что связано с помещением в нее цельного костяка животного. В случаях обнаружения в могиле лишь шкуры коня (Самбия) овальная форма могилы сохраняется. Каменные кладки или отдельные камни над конскими могилами редки. Иногда камни перекрывают непосредственно череп коня. Ориентировка последнего в яме - юго-восток или юг, что повторяет традицию аналогичных захоронений эстов начала нашей эры. С учетом обязательного присутствия снаряжения для верховой езды в отдельных конских могилах (безынвентарных захоронений мало) налицо отсутствие принципиальных различий между ними и захоронениями коней в нижних ярусах кремаций типа 2. Кроме того, близки значения глубин (соответственно 0,92 и 0,84 м в среднем значении), овальная форма ямы, ориентировка. В последнем случае, правда, выделяются двухъярусные погребения северо-востока Самбии, где черепа коней ориентированы зачастую на запад. Материалы

могильника Суворово показывают, что отдельные конские захоронения располагались к западу от могил людей. Видимо, эта тенденция предполагается и для остальных могильников, где встречены аналогичные захоронения. В принципе данный факт является продолжением у пруссов (кроме части населения Самбии) более ранней традиции.

Традиция захоронения коня, помещавшегося к западу от могилы хозяина или в ее нижнем ярусе еще живым²⁶, занимает особое место среди европейских древностей I тысячелетия н. э.²⁷ Наличие коня в могиле прусса является самобытной чертой местной культуры, обозначением пути в загробный мир.

Выводы, полученные в результате анализа погребального обряда раннесредневекового населения западной окраины балтского мира, можно резюмировать следующим образом:

1. Погребальный обряд могильников пруссов в VI-XI вв. представляет собой развитие более ранних традиций эстов, нашедших свое выражение в господстве кремации и наличии конских захоронений, связанных с могилами всадников.
2. Учитывая общую культурную преемственность, следует отметить возникновение новых черт обрядности: появление сосудов для переноски праха с костра в могилу (урны - 2), постепенное исчезновение каменных кладок над могилами, наступившая в начале II тысячелетия н. э. смена кремации ингумацией. Последнее, видимо, связано с интеграцией культуры пруссов и традиций соседних западнобалтских племен (куршей, ламатов, скальвов).
3. На фоне общего расцвета обряда пруссов целым рядом общих черт выделяются двухъярусные погребения, появившиеся сначала на побережье Калининградского залива, а затем распространившиеся на Самбии. Данные комплексы, наиболее отделившиеся от родовых погребальных традиций, в целом сохранявшихся у остального населения земли пруссов, соответствуют новому социальному институту - дружине²⁸.

ТИПОЛОГИЯ ИНВЕНТАРЯ

1. Детали одежды.

А. Фибулы. Арбалетовидные застёжки, являвшиеся основным видом застёжек одежды в западно-балтских землях в конце эпохи римского влияния, представляют собой продукт развития формы двучленных прогнутых подвязных фибул²⁹, традиционно носившихся пружиной вниз. Последней работой, посвященной арбалетовидным фибулам пруссов, является книга Н. Оберга³⁰. Выделив ряд типов фибул, автор, к сожалению, не уделил внимания аргументации и трактовке типобразующих признаков. Этот аспект, а также накопившийся за последнее время материал дают возможность еще раз обратиться к внутренней градации рассматриваемого типа застёжек. Учитывая такие признаки фибул, как длина ножки, оформление держателя пружины, декоративное расширение ножки у основания приемника иглы, можно выделить четыре подтипа фибул с вариантами (рис. 12). Данная типология представляется логичной прежде всего ввиду того, что систематизирует картину развития застёжек от простейшей, сугубо утилитарной формы до трехчастной конструкции.

В последнем случае застёжки подтипа 4 являются практически шарнирными, что подтверждается отдельным изготовлением дуги пружины.

На Самбии и в низовьях р. Ногаты встречаются фибулы подтипов 1, 2 и 4, причем в последнем микрорегионе подтипы 1 и 4 представлены на памятниках в пропорции 1 : 4. Здесь полностью отсутствует подтип 2. Совершенно иная картина наблюдается в восточной части исследуемой территории по течению рек Деймы, Преголи, Лавы. В северной части этого микрорегиона (Суворово, Детлевсру) половина всех фибул относится к подтипу 2.

Можно говорить о непрерывности развития фибул подтипов 1-4 в прусских древностях VI- VIII вв. На побережье их производство, замедлившееся в начале VII в., получило мощный толчок в конце VII в. в виде поступивших из западной части Мазурского Поозерья фибул подтипа 3, но в основном подтипа 4³¹. Факт контактов пруссов с населением литовского Поморья интересен тем, что на памятниках дельты Немана и в земле куршей фибулы, близкие подтипу 3, изготовлялись вплоть до XI в. Арбалетовидные фибулы, подтипы которых в своем развитии от простой формы к сложной в полном объеме представлены только в земле пруссов и в соседнем Мазурском Поозерье, доказывают таким образом свое местное происхождение.

Пластинчатые фибулы в прусских погребениях -VII вв. представлены прежде всего застёжками с тремя "лучами" и близкими к ним видами. Это виды Оммунодрод, Крефельд, Брайтенфурт (480- 575 гг.). Территория их первоначального распространения: вид Крефельд - земли по течению р. Рейн, вид Брайтенфурт - Западное Поморье. только для земли пруссов характерен вид трехлучевой фибулы с отсутствующим щитком, возникший именно здесь.

Лучевые фибулы отражают процесс равномерного развития торговых и культурно-этнических связей пруссов с западом Европы.

Находки арбалетовидных фибул подтипа 4 в Прютцке (округ Бранденбург)³³ и в Эстонии³⁴ показывают направления потоков товаров (прежде всего янтарного сырья), поступавших как на запад, так и на северо-восток Европы.

Взаимовстречаемость в погребениях пальчатых фибул с арбалетовидными застёжками позволяет взаимно уточнить хронологию этих артефактов. Пример тому - фибула вида Брайтенфурт из погребения 57 могильника Пионерский, в орнаментике которой - элементы декора арбалетовидных застёжек подтипа 3; фибула вида Брайтенфурт из погребения 138 могильника Суворово, орнаментированная по корпусу параллельными прорезными линиями, обнаружена с арбалетовидной фибулой с подвязной ножкой, близкой к подтипу 1; фибула вида Оммунодрод из погребения А. 9 могильника Малая Липовка, имеющая полные аналогии в юго-восточной Норвегии и Англии, датируется началом VI в.

Отдельные подтипы пластинчатых фибул: равноплечные, длиной от 4 до 5 см. Материал - бронза. Пластины имеют прямоугольную, треугольную, трапециевидную, округлую форму. Равноплечные фибулы с трапециевидными пластинами датируются по франкским аналогиям VII в.³⁵ Учитывая факт наличия аналогий, не следует отрицать возможность возникновения этого подтипа застёжек на месте. В погребении 38 могильника Пасленк известны формы фибул, являющиеся переходными между

ранними пальчатыми с прямоугольной пластиной и равноплечными с трапециевидными пластинами. Сходным путем шло формирование равноплечных фибул в Скандинавии. Правда, здесь их прототипами являлись арбалетовидные застёжки западнобалтского происхождения. В трупосожжении на могильнике Сламреберг (Валльхагар) 36 и в древностях о. Готланд 550-600 гг. обнаружены фибулы, отличающиеся от типичных для юго-восточной Швеции равноплечных застёжек примерно этого же времени только наличием остатков перпендикулярного стержня с пружиной. Характерные для о-ва Готланд, они найдены в одном из погребений на ул. Монюшко в г. Эльблонге. Следовательно, появление довольно простых по форме равноплечных фибул датируется в юго-восточной Прибалтике (как и в Скандинавии) VII в. и является как результатом упрощения форм пластинчатых пальчатых фибул западноевропейских образцов, так и продуктом взаимных контактов культур бассейна Балтики. Равноплечные фибулы о-ва Готланд с утолщенной спинкой явно восходят к арбалетовидным фибулам подтипа 1 пруссов. Круглые плоские фибулы имеют орнамент "астрального типа", диаметр около 4,5 см. Материал - бронза, плакированная серебром, реже - железо. Орнамент - концентрические пояса (от 4 до 23 поясов), составленные из псевдожемчужных выпуклостей. В пяти случаях от центральной окружности фибулы отходят восемь лучей. Генетически все эти фибулы восходят к западнобалтским застёжкам эпохи римского влияния 38, которые имитировали провинциальные римские фибулы II-III вв., имевшие сходную конструкцию. В нашем массиве имеется переходная форма из погребения 442 могильника Суворове. Максимальная утеря первоначальной орнаментики зафиксирована на фибулах из погребения 141 могильника Суворове, погребения без номера могильника Холмогорье и погребения 3 могильника 2 Ветрово. Она выразилась в превращении мелких окружностей в утилитарные заклепки, крепящие внутреннюю шарнирную булавку. Характерно, что в Западной Европе в VIII-IX вв. возник интерес к полузабытым формам этого украшения позднеимперской эпохи, связанный, возможно, с "каролингским возрождением". Этим временем можно датировать и поздний этап существования круглых фибул в земле пруссов. Особые формы пластинчатых фибул: с декоративной кнопкой на спинке из погребения 23 могильника Новинка и в одном из погребений на ул. Монюшки в г. Эльблонге, соответствуют типу Ruckenknopffibel, традиционному для скандинавских древностей вендельского времени⁴¹; пластинчатая квазиравноплечная с выступом у приемника иглы из погребения 29 могильника Ленче и погребения 83 могильника Новинка. Последние, несомненно, являются продуктом развития мазурских дериватов пальчатых фибул вида Даттенберг, характерного только для западной части Мазурского Поозерья. Нельзя отрицать и возможность влияния на эти фибулы уже упоминавшихся застёжек типа Rucken-knopffibel. Суммируя изложенное выше, необходимо отметить, что равноплечные, а также круглые пластинчатые фибулы и застёжки особых форм в своей массе связаны с фибулами, оказавшимися в юго-восточной Прибалтике из-за ее пределов.

Фибулы пруссов X-XIII вв. представлены в основном подковообразными застёжками. Подтипы этих артефактов ранее разрабатывались на материалах Северной и Восточной Европы, в данной работе выделяются на основе разнообразия оформления концов дуги фибулы (рис. 13).

Подтип 1 - спиралеконечные: вариант 1.1 - концы дуги свернуты в спираль или загнуты. Среднее значение диаметра дуги 5 см. Дуги застёжек не орнаментированы, иглы тонкие. Этот подтип фибул встречается среди древностей балтов еще в эпоху римского влияния⁴², а ранние их экземпляры, возможно прусского происхождения, известны на о-ве Готланд уже в середине VIII в.⁴³ Вариант 1.2 - концы колец загнуты S-видом, диаметр дуги около 3 см. Дуги фибул не орнаментированы, иглы при переходе в спираль расширяются. Подобные застёжки известны в юго-восточной Прибалтике в XIII-XIV вв.⁴⁴

Подтип 2 - с гранеными головками, изготовлялись из бронзы. Среди древностей Северной Европы такие застёжки датируются в основном X в.⁴⁵ Как показывают комплексы курганного могильника Кауп, датируемые по мечам типа J.P.H.46, наиболее ранние фибулы этого подтипа появляются в Прибалтике в конце IX в. В землях западных балтов данные застёжки появились в результате контактов восточной части Балтийского бассейна с финно-угорскими племенами.

Подтип 3 - с воронкообразными головками. Такие фибулы присущи прежде всего древнему населению Прибалтики и датируются концом X - началом XI в.⁴⁷

Подтип 4 - со сфероидными головками и витым кольцом круглого сечения, диаметр дуги 4,5 см, игла у спирали расширяется. Эти застёжки известны только у западных балтов в XIII-XIV вв.

Подтип 5 - с расширяющимися концами дуги, имеющей круглое сечение. Дуги украшены чеканным или прорезным орнаментом в виде ромбов, зигзагов, спиралей, игла у держателя имеет прямоугольное расширение. Эти фибулы распространились в землях западных балтов в XI-XII вв., проникнув и в восточнославянский ареал⁴⁸. Подобные застёжки появляются на о. Готланд во второй половине X в.⁴⁹, представляя собой непосредственное заимствование форм ирландских фибул VI-IX вв.⁵⁰ Наиболее ранние фибулы этого подтипа появляются на территории куршей в X-начале XI в.⁵¹, являясь результатом контактов с населением Скандинавии.

Подтип 6 - с зооморфными головками, диаметр дуги от 4 до 5 см, игла изогнута, плавно расширяется к спирали. Дуга фибулы в ряде случаев витая. Данные застёжки появляются в земле пруссов в начале XI в., их архетипы известны в материалах о-ва Готланд в конце X в.⁵² В землях западных балтов фибулы с зооморфными головками, изображавшими сначала волков или драконов, затем козлов, посвященных Перкунсу, существовали вплоть до позднего средневековья⁵³ и имели, возможно, культовое значение.

Кольцевидные застёжки (58 экз.), известные в земле пруссов, согласно схеме В. А. Мальм, подразделяются на следующие подтипы:

Подтип 1 - пластинчатые с плоским кольцом диаметром 3 см. По периметру кольца - латинская или немецкая надпись. Такие застёжки распространялись среди балтов, финнов и населения северо-запада Руси в XIV-XV вв.⁵⁴ и зачастую изготавливались из западноевропейских монет.

Подтип 2 - плоская застежка с четырьмя выступами на кольце⁵⁵.

Подтип 3 - ажурные плоские. Известны только в Прибалтике в XIV в.⁵⁶

Подтип 4 - выпуклые, изготовленные из тонкой бляхи с орнаментом в виде псевдозерни, датируются XIII-XIV вв.⁵⁷

Подтип 5 - с арками и выступами по периметру плоского кольца.

Подтип 6 - фигурные (многолучевые). Подобные застежки восходят, по мнению З. М. Сергеевой⁵⁸, к древностям радимичей и датируются в Восточной Европе XI -XII вв.⁵⁹ Такие украшения были распространены и в Центральной Европе, что отражено в скульптурном изображении знаменитой Уты, украсившем в 1250-1260 гг. западные ворота Домского собора в Наумбурге⁶⁰. Не исключено, что подобные фибулы могли проникнуть в землю пруссов в XIII в. как с востока, так и с запада.

Подтип 7 - шарнирные "куршского типа". Застежки изготовлены из бронзы, зачастую плакированы серебром, характеризуются поперечными выступами на полукруглой в сечении дуге. Вариант 7.1 - с воронкообразными головками, соединенными перемышкой с диаметром дуги около 6 см. Эти фибулы генетически восходят к подковообразным застежкам типа 3. Недостающее звено в этом типологическом ряду - подковообразные фибулы с фиксированным положением иглы на дуге - известны у куршей в XI в.⁶¹ Как и на подковообразной фибуле подтипа 3 из кургана 143 могильника Кауп⁶², две застежки рассматриваемого варианта сохранили на головках орнамент в виде плетеного креста. Фибулы варианта 7.1 известны только в древностях западных балтов XI - начала XII в.⁶³ Вариант 7.2 - собственно кольцевидные застежки "куршского типа", имеют диаметр дуги 4 см. Появление их в западнобалтской среде - показатель связей с севером Европы, где последние распространяются во второй половине X в.⁶⁴ и вскоре начинают украшаться головками животных. Такие фибулы из кургана 92 могильника Кауп⁶⁵ и кургана 736 могильника Бирка украшены поперечными рельефными валиками. Показательно, что две фибулы варианта 7.2 обнаружены в погребениях 1 и 16 могильника Ирзекапинис, несущих в обряде скандинавские черты (сожжение в ладье).

Подтип 8 - с длинной иглой. Эти застежки имеют скандинавское происхождение, в Восточной Европе встречаются в X-сердине XI в.⁶⁶

Б. Поясные пряжки. В прусских древностях VI - XIII вв. типологизируются прежде всего на основе анализа формы рамки ([рис. 14](#)).

Отдел "двухчастные". Тип 1 - пряжки с овальной рамкой (реже круглой формы), Н * от 0,8 до 0,4 см, без орнамента. Сечение рамки овальное или круглое, щитки у половины пряжек отсутствуют, подавляющая их часть изготовлена из бронзы. Подтип 1.1 - пряжки с овальной рамкой (Н=0,5) с прямым язычком. Сечение рамки в основном круглое, в случае наличия щитка-обоймицы для крепления ремня щиток имеет прямоугольную форму. Подтип 1.2 - пряжки с овальной рамкой (Н от 0,7 до 0,5) овального сечения, с язычком, имеющим прямоугольное расширение у петли, ограничивающее его вращение по горизонтальной оси. Щиток может иметь как прямоугольную, так и овальную форму.

Тип 2 - пряжки с В-образной рамкой, имеющей утонченный стержень в точке крепления ремня и прогиб в точке приложения язычка к рамке.

Н рамки от 7 до 4 см. Сечение рамки как овальное, так и трапециевидное. Следует отметить, что на пряжках типов 1 и 2 язычки клювообразно загнуты и достигают своим острием внутренней поверхности рамки пряжки. Рамки пряжек типа 2 орнаментированы горизонтальными поперечными углублениями - рудиментами "рифленого" орнамента пряжек эстиев в V в. Прямоугольный щиток обычно украшался по периметру прорезными параллельными линиями, реже - оттисками штампа. По форме щитка выделяются подтипы 2.1 (прямоугольный щиток), 2.2 (сложнотреугольный), 2.3 (округлый).

Типы 1 и 2 объединяют некоторые общие особенности. Только у этих типов встречаются овальные щитки. Некоторые пряжки сделаны из железа, что является редкостью для пряжек пруссов VI-VIII вв.

Тип 3 - пряжки имеют рамку трапециевидной формы, Н от 1,0 до 0,5 см, трапециевидного сечения, щиток прямоугольной формы, орнаментирован горизонтальными прорезными линиями. Подтип 3.1 - Н рамки от 1,0 до 0,9, язычок прямой, на прямоугольном щитке встречен чеканный орнамент "волчий зуб", рамка сохраняет рудименты "рифленого" орнамента. Подтип 3.2 - язычок пряжки в виде равностороннего креста.

Тип 4 - пряжки со сложной рамкой, Н от 1,0 до 0,6 см, щиток только прямоугольной формы. Подтип 4.1 - Н пряжки от 1,0 до 0,8. Подтип 4.2 - Н пряжки от 0,8 до 0,6, язычок в виде равностороннего креста, прямоугольные щитки в ряде случаев украшены прорезным кресто- и тавровидным орнаментом.

Тип 5 - Н рамки от 1,1 до 0,9 см, язычок прямой.

Тип 6 - рамка лировидная, все пряжки изготовлены из бронзы, язычок зачастую железный.

Пряжки типов 1-6 скрепляли пояса мужчин. Форма типа 1 имеет западнобалтское происхождение, восходит к местным древностям V в.⁶⁷ и встречается по всей исследуемой территории. Пряжки типа 2 попали в землю пруссов при посредстве германоязычной части полиэтничного населения мазурского региона из Подунавья. В семи комплексах на могильниках западной части Мазурского Поозерья такие пряжки встречены вместе с пальчатыми фибулами типа II по И. Вернеру. Подобный инвентарный комплекс присутствует только у лангобардов Среднего Подунавья второй половины VI в.⁶⁸ Показателем поступательного развития прусских пряжек VI -VIII вв. является увеличение в пределах типов 1-4 прямоугольного расширения у основания язычка. Последнее служило для фиксации ремня в определенном положении. Такая же функция была и у щитковидного расширения германских пряжек VI в.⁶⁹ Как и прямоугольное расширение на ножках арбалетовидных фибул, соответствующая деталь является хронологическим индикатором прусских пряжек на протяжении 200 лет. Типы 1-5 сменяются у пруссов лировидными пряжками, самая ранняя из которых в погребении 117 могильника Ирзекапинис датируется первой половиной X в. Украшенная двумя головками хищных птиц, она позволяет предполагать сохранение традиций позднего этапа эпохи переселения народов⁷⁰. Развитая

форма таких пряжек в Скандинавии и Прибалтике датируется в основном первой половиной XI в.⁷¹, частично сохраняясь до XII в. Одна из лировидных пряжек пруссов, как считал В. Герте⁷³, по своей форме имеет аналогии в древностях Поволжья и несет подражание арабской надписи.

Пряжки конского снаряжения, изготовлявшиеся преимущественно из железа, представлены следующими типами:

Отдел "двухчастные": тип 1к - прямоугольные. Подтип 1 - железные пряжки длиной от 4 до 6 см, в ряде случаев находились в могиле рядом со стременем. Подтип 2 - пряжка из тонкого бронзового листа с перемычкой по центру рамки и обоймицей, размером 4X2 см, служила чаще всего для крепления шпоры к сапогу всадника. Почти полная аналогия таких пряжек - в кургане в Скаддареедан (Сконе, Швеция, XI в.)⁷⁴. Тип 2к - трапециевидные, широкая внешняя сторона рамки уплощена. Тип 3к - восьмерковидные, являющиеся результатом развития пряжек типа 2к. Промежуточный этап этого развития отражает пряжка из погребения б/№ могильника Холмогорье (рубеж VII - VIII вв.)⁷⁵. Тип 4к - круглые, диаметром около 4 см, в ряде случаев обнаружены в труположениях рядом с поясом, в основном входили в состав снаряжения для верховой езды. Тип 5к - щитковидные, нередко орнаментированы серебряной чеканкой. Отдел "трехчастные" - железные пряжки длиной около 5,5 см. Язычок укреплен на П-образной дуге рамки, соединенной свободно прокручивающимся стержнем, через который проходил скользящий подпружный ремень.

2. Украшения.

А. Гривны. Отдел I. Гривны из тонкого дрота. Предметы такого рода трактовались ранее как браслеты. Общие признаки гривен этого отдела - наличие кольца и крючка, замыкающего края кольцевидно изогнутого бронзового (реже - серебряного) дрота толщиной не более 3 мм, имеющего по краям круглое сечение. Диаметр гривны от 8 до 10 см. В девяти случаях дрот имеет тордированную поверхность и квадратное сечение. Гривны из погребения 8 могильника Березовка и погребения 1 могильника Первомайское свиты из двух дротов. Такие гривны можно считать продолжением развития одного из типов шейных украшений балтов эпохи римского влияния⁷⁶. Надо полагать, что и остальные украшения этого отдела, состоящие из одного дрота, тордировка которого имитирует плетение, продолжают эту традицию. Подобные артефакты известны только в аварских древностях конца VII-VIII в.⁷⁷

Отдел II. Гривны, свитые из нескольких дротов. Типология данного отдела основана на схеме М. В. Фехнер. Материал всех гривен - бронза. Тип I* - витая, с раскованными концами. В восточнославянских памятниках аналогичные гривны известны в XI - начале XII в.⁷⁸ Подтип I. 1 - витая из двух дротов, овальная. Подобные гривны в литовских древностях сопровождают захоронения XI - XII вв. Тип II - витая из двух-трех прутов, с петлеобразной застежкой. В Восточной Прибалтике⁸⁰ и Руси⁸¹ такие украшения относятся к концу X-XI в., однако для западных балтов они характерны в XIII - XIV вв.⁸² Для их соседей - населения Центральной Литвы этого времени - присущи гривны только с пятиконечными концами.

Б. Браслеты. Типология основана на схеме В. П. Левашевой. Материал всех изделий - бронза. Тип Сентендре - браслеты с расширяющимися концами, близки славяно-аварским древностям VI-VII вв.⁸⁴

Отдел "дротовые". Тип I - витые с уплощенными концами, характерны для Восточной Европы XI - XII вв.⁸⁵ Тип II - плетеные щитково-конечные. На Новгородчине такие браслеты датируются XI - XII вв.⁸⁶ Тип III - спиральные, до 14 витков, известны в IX-XI вв. как в северо-западной Литве⁸⁷, так и в Латвии.

Отдел "пластинчатые". Тип I - с геометрическим прорезным орнаментом. Тип II - со стилизованными зооморфными головками. Эти браслеты распространены только в земле куршей (XI- XII вв.).

В. Перстни. Типология перстней основана на схеме Н. Г. Недошивиной. Последние изготовлялись в основном из бронзы, редко - из билона. Тип I - пластинчатые, с заходящими концами. Тонкая пластина несколько расширена посередине и орнаментирована поперечными линиями и линиями, расположенными крест-накрест. В раннем средневековье такие перстни распространены на территории Руси⁸⁹. Тип III - витые с заходящими концами, известны по всей территории Прибалтики и Восточной Европы. Тип IV - проволочные, дрот круглого сечения. Тип V - с полусферическим возвышением в центре кольца. Тип II - рубчатые, литые, с расширением по центру. Сечение дрота в точке расширения в основном треугольное. Подобные перстни распространены как на территории Руси⁹⁰, так и в Литве⁹¹.

Г. Подвески. Типология проводится по форме предмета. Тип I - круглая, бронзовая, с прорезным орнаментом. Тип II - крестовидная ажурная, бронзовая, датируется XII-XIII вв.⁹² Тип III - клыки медведя с бронзовыми оковками, дужками для подвешивания бизовидными и трапециевидными подвесками. Наиболее раннее использование таких украшений известно в земле ливов (XI в.)⁹³. В XIII в. они уже в ходу в Польском Поморье, на северной⁹⁵ и южной⁹⁶ окраинах балтского мира. В восточнославянском ареале подобные находки единичны⁹⁷. Тип IV - ромбические пластинчатые, изготовлены из бронзы, обильно представлены в пруссо-ятважских древностях XIII-XIV вв.⁹⁸ Тип V - миндалевидные. Подтип V.1 - литые с кольцом, бронза. Подвеска из погребения 16 могильника Ирзекапинис на лицевой стороне сохранила изображение, имитирующее внутреннюю конструкцию небольшой ладьи типа кнарр (шпангоуты, киль, полубак, штевень). Весьма близкая по параметрам и орнаменту бронзовая подвеска найдена на могильнике Сребрне Взгуже (Волин, раскопки И. Войташека) в комплексе XII в." Подтип V. 2 - тонкая, с эсвидно загнутым концом, изготовлена из бронзы. Аналогичные по форме поясные застежки - элемент одежды

западных славян - известны в XI в. в западном¹⁰⁰ и среднем Польском Поморье¹⁰¹. Тип VI - шпательобразная, бронзовая. Сделанные из кости подвески такой формы представлены в древностях северной Эстонии¹⁰² и на ливских памятниках устья р. Даугавы¹⁰³ в XI-XII вв.

По форме и параметрам эти подвески копируют средневековые писала, известные в русских городах Подвинья¹⁰⁴. Характерно, что в Латвии в слоях с такими подвесками встречены и собственно писала¹⁰⁵.

В погребении 8 могильника Давыдовка как подвеска, видимо, использовалось радимичское височное кольцо с тремя лучами.

Радимичские кольца встречены и в других балтских комплексах раннего средневековья.

В погребении 8 могильника Просторное обнаружен редкий для земли пруссов предмет - цепе-держатель, характерный для населения востока Балтики¹⁰⁷.

Д. Бубенчики. Типы описаны в основном по схеме В. А. Мальм и М. В. Фехнер. Все бубенчики литые, изготовлены из бронзы. Тип 1 - грушевидные и четырехпрорезные. В нижней половине украшены прорезным линейным орнаментом. Верхняя и нижняя его части разделены слабым валиком. Подтип 1.1 - грушевидные уплощенные, высота 2,5 см. Подобные бубенчики характерны для конского снаряжения дружины центральной Литвы XI в.¹⁰⁸ Тип 2 - шаровидные однопрорезные, с рельефным валиком. Тип 3 - эллипсовидные четырехпрорезные.

Все типы бубенчиков (кроме подтипа 1.1) известны в раннесредневековых древностях Восточной Европы (тип 1 - конец X-начало XII в., тип 3 - XII-XIII вв.)¹⁰⁹.

Е. Бусы. Данная деталь женского убора в погребальных древностях междуречья Ногаты и Деймы в эпоху раннего средневековья чрезвычайно редка. В отдельных погребениях встречаются остатки оправленных бусин (настовых и стеклянных) боченковидной формы. Янтарные бусы представлены типами Rauckenperle (асимметрично-бисфероидные), бисфероидными, плоскими (все изготовлены на примитивном токарном станке), неправильной формы (пластина янтаря, обколота по краям). Как и у племен центральной Литвы в V-VIII вв., обычное число янтарных бусин в погребении - от 1 до 3.

Ж. Венчик (обруч) головной - пластинчатый, изготовлен из бронзы. Пластины соединялись заклепками.

3. Булавки. Тип с крестовидным навершием - две находки таких булавок известны в северо-восточной Самбии, но, являясь типичным украшением куршей XI - XII вв.¹¹¹, не зафиксированы у прусских женщин.

В прусских погребениях VI - VII вв. выявлены кольца, конструктивно сходные с гривнами отдела I, однако ввиду величины своего диаметра (от 3,5 до 8 см) не могущие служить шейными украшениями. Более логично отнести их к височным. Косвенно это подтверждается находкой в погребении 504 могильника Суворове кольца такого типа с прикипевшими стеклянными бусинами. В синхронных древностях западных германцев имеются отдельные височные кольца из витого дрота с имитацией бусины¹¹⁹.

3. Предметы вооружения.

А. Мечи (рис. 15). Отдел "однолезвийные". Тип 1 - сакс "длинный"¹¹³ - длина лезвия от 50 до 70 см, ширина в среднем 5 см, длина рукояти около 10 см. Тип 2 - сакс "узкий" - в прусском материале имеет длину 47 см. Остальные признаки являются общими для обоих типов: 1) все клинки имеют узкий, иногда слабо изогнутый конец, сечение клинка в основном тавровидное; 2) рукояти и гарды мечей изготовлялись из веществ, легко поддающихся горению или гниению (дерево или кость); 3) ножны имеют стандартную конструкцию - арматурой служит плотно облегающая клинок железная полоса, в которой находится деревянный футляр, изредка снабженный декорированными бронзовыми или серебряными накладками. Возможно, накладки были и у рукояти; 4) орнамент, покрывавший внешние накладки ножен, достаточно стандартен и представляет собой различные сочетания полос пуансонов в виде балюстрад, розеток (или концентрических окружностей), косо перекрещенных линий. При наличии у ножен наконечника последний украшался орнаментом в виде "елочки"; 5) вертикальный принцип крепления меча к поясу удалось выяснить только для "узкого" сакса¹¹⁴. "Длинные" привешивались к поясу всадника горизонтально, видимо, со слабым подъемом рукояти. Такой вывод для мечей данного типа подтверждается массой придунайских¹¹⁵ и южнорусских¹¹⁶ аналогий. Кроме того, в одном из погребений могильника Ржевское (Славский р-н Калининградской обл.), оставленного скальвами в VIII в., обнаружен "длинный" сакс в ножнах с полукруглой обоймицей именно для горизонтального крепления к поясу¹¹⁷.

Несмотря на то что большинство прусских комплексов с однолезвийными мечами сопровождал конь со снаряжением для верховой езды, по своей метрической характеристике только "длинный" сакс мог быть использован для конного боя. Мечи сходного облика хорошо известны населению юго-восточной Прибалтики еще с раннего этапа эпохи римского влияния¹¹⁸, причем в III - IV вв. они сосуществовали с двулезвийными мечами¹¹⁹. Анализ орнамента ножен, проведенный П. Урбаньчиком, позволил датировать их в массе серединой VII в.¹²⁰ Относительно характера и конструкции "узких" саксов, обнаруженных на могильниках пруссов, автор совершенно справедливо придерживается мнения о производстве их мастерами, знакомыми как с германскими, так и с аварскими традициями. Эти мастера определенно не являлись уроженцами Прибалтики¹²¹. Данные традиции могли взаимодействовать в VII в. только на среднедунайских землях, где под властью авар сохранялись остатки гепидов¹²².

По своим параметрам, форме и деталям "узкие" и "длинные" саксы отличаются от боевых ножей пруссов с клинком треугольной формы (Детлевсру, случайная находка, конец V в.) более раннего времени. Следует отметить хронологическое совмещение в середине VII в. "узких" саксов и неприсущей пруссам орнаментики ножен мечей с бурным развитием форм арбалетовидных фибул

подтипов 3 и 4 и широким распространением поясных наборов с прорезными накладками.

В завершение следует отметить, что рукояти мечей из погребений 1 и 4 могильника Первомайское были обтянуты серебряными листами. Если лист из погребения 4 был украшен рельефным орнаментом во II общегерманском зверином стиле и датируется последней четвертью VI в.¹²³, то лист из погребения 1 относительно своего орнамента явно вторичен первому.

Отдел "двулезвийные". При описании мечей этого отдела за основу взята схема Я. Петерсена с привлечением данных типологии А. Рутткай. Варианты выделяются по типу навершия рукояти. Тип D - меч из коллекций бывшего Пруссия-музеум, на клинке надпись: INGELRII, длина клинка 78,5 см, IX в.¹²⁴ Тип E - обломок меча из погребения 5 могильника Ветрово - первая половина IX в.¹²⁵; из погребения б/№ могильника Междуречье - первая половина X в.¹²⁶ Тип H - меч из погребения б/№ могильника на ул. Лотничей (г. Эльблонг) согнут, снабжен по лезвию плетеным орнаментом и остатками надписи: . . .IB. . . ; меч из погребения б/№ могильника Давыдовка; меч, случайно обнаруженный в г. Калининграде, - начало IX-середина X в.12 Тип I - меч из погребения б/№ могильника Совхозное - начало IX - середина X в. Тип K (дериват) - два меча из погребения (?) б/№ могильника Тюленино (IX в.) Тип M - меч, случайно найденный у г. Приморье, на клинке имитация надписи - IX в.¹²⁹ Тип O (дериваты)¹³⁰ - два меча из погребения (?) в Коврове. По внешнему виду оформления рукояти они имитируют североевропейские мечи типа O, однако их навершия одностатные, отлиты из бронзы. Данные мечи могут датироваться X в.¹³⁰ Тип S - меч из погребения б/№ могильника Заливное с серебряной плакировкой деталей рукояти. Тип TJJ (XI в.) - меч из погребения б/№ могильника Авайки с надписью на лезвии ULFBERHT; меч из погребения б/№ могильника Совхозное; мечи с местным оформлением рукоятей¹³² из погребения б/№ могильника на ул. Космодемьянского (г. Калининград), погребений 2 и 6 могильника 1 Сосновка, погребения б/№ могильника Речное, погребения б/№ могильника Прогресс, погребения б/№ могильника Поляна, погребения б/№ могильника Славяновка, погребения б/№ могильника Песчаное, погребения б/М могильника Лангендорф, погребения б/№ могильника Космодемьянское, погребения 64 могильника Ирзекапинис¹³³. Ввиду отрывочного характера данных о некоторых мечах этой серии, возможно, что они были найдены не в погребениях, а случайно.

Тип X (X- XI вв.) 134. Ранний вариант - меч из погребения 393 могильника Суворово с остатками изображения на клинке креста (начало надписи?); меч из погребения I могильника Сосновка (свернут двукратно); меч, случайно обнаруженный в могильнике Совхозное. Поздний вариант: с полукруглым навершием - меч из погребения б/№ могильника Домброва (согнут, с остатками надписи на клинке); меч из коллекций бывшего Пруссия-музеум (длина клинка 93 см, конец загнут); с сегментовидным навершием - мечи из погребения 15 (на клинке -остатки надписи типа IN NOMINE DOMINI), погребения 16 (детали рукояти плакированы серебром) могильника Ирзекапинис; погребения б/№ могильника Вольное (на клинке - остатки надписи).

Тип YII - меч, случайно обнаруженный в могильнике Лукнайно; меч из погребения б/№ могильника Тюленино (однолезвийный. рукоять и навершия таушированы); меч из погребения б/№ могильника в окрестностях Давыдовки - XI в.¹³⁵; меч из коллекций бывшего Пруссия-музеум - первая половина XIV в.¹³⁶ Тип Маннхайм - однолезвийный меч. найденный в р. Преголе напротив о-ва Кнайпхоф (г. Калининград).

Тип XIII - меч, случайно найденный в Бензине.

Тип XV - меч из коллекций бывшего Пруссия-музеум (слабо согнут), относится к варианту 1. Вариант 2 - мечи из погребений 30, 42, 56 (согнут двукратно) могильника Ирзекапинис, меч из погребения б/№ могильника Вольное. Вариант 3 - меч из погребения б/№ могильника Вольное - XIII в.¹³⁷ Тип "меч-сабля" - меч из погребения б/№ могильника Зайцеве - середина X - середина XI вв.¹³⁸

Вариант типа M - с полукруглым навершием -фрагмент меча из погребения 10 могильника Муромское - IX в.¹³⁹ Учитывая достаточно фундированную для Северной Европы типологию и хронологию мечей по Я. Петерсену, нельзя не отметить некоторую закономерность распределения мечей в земле пруссов. Основное значение в этом массиве играют типы T, X, Y, сосуществующие в XI в. Именно для этого времени ряд исследователей отмечали в юго-восточной Прибалтике не только производство деталей рукояти¹⁴⁰ (при этом двухчастная конструкция наверший мечей типа E заменялась одночастной)¹⁴¹, но и изготовление собственных клинков на основе прототипов TII 142. Надписи на таких клинках в земле пруссов полностью отсутствуют, но в отличие от массы местных, восточнобалтийских мечей навершия и рукояти мечей пруссов в основном изготавливались не из бронзы, а из железа и покрывались серебром.

Судя по отдельным находкам в погребениях, двулезвийные мечи пруссов имели ножны, изготавливавшиеся из парных деревянных планок, обтягивавшихся кожей. Кроме того, в нижней части ножен планки соединялись бронзовым наконечником. Подобные предметы давно привлекали внимание исследователей и для древностей бассейна Балтики были систематизированы Т. Арне и П. Паульсеном. Типологии последнего мы будем придерживаться при описании наконечников ножен мечей, обнаруженных в междуречье Ногаты и Деймы (рис. 16).

Отдел "прорезные". Тип I- с изображением распластанной птицы. Подобные находки П. Паульсен считает местными дериватами скандинавских изделий в стиле Борре и датирует второй половиной X в.¹⁴¹ Будучи социальным показателем вождя дружины, такие наконечники воспроизводят заключительный этап жертвоприношения птицы. Это священнодействие являлось исключительно княжеской прерогативой¹⁴⁴.

Тип 2 с изображением человеческой фигуры (погребение¹¹⁷ могильника Ирзекапинис), по обе стороны которой находятся два дракона (?). Судя по форме, конкретная находка соответствует однолезвийному мечу и является местной переработкой скандинавской иконографической схемы "Один и вороны". Аналогии этому наконечнику известны только в дружинных древностях центральной Литвы¹⁴⁵ и земли ливов¹⁴⁶.

Отдел "цельнолитые". Тип 1 - наконечники ромбической формы, подтип 1.1 - с изображением пальметты, тип 1.2 - без нее.

Если подтип 1.1 П. Паульсен связывает с кругом киевских древностей XI - XII вв.¹⁴⁷, то местное происхождение наконечников подтипа 1.2 сомнений не вызывает¹⁴⁸.

Тип 2 - с птицами в медальоне. Рисунок "геральдически" расположенных птиц (павлинов?), наиболее тонко исполненных на предметах из погребений 33 и 68 могильника Ирзекапинис, иконографически восходит к изображениям птиц на византийских тканях VIII в.¹⁴⁹ Такой сюжет бытует в светском искусстве Византии до XII-XIII вв. как на тканях¹⁵⁰, так и в торевтике, являясь отражением добрососедских отношений между людьми, защитой от зла¹⁵¹. Остальные наконечники этого типа из Прибалтики и Скандинавии¹⁵² несут более упрощенные изображения птиц уже без медальона и совершенно очевидно являются вторичными относительно прусских находок.

Тип 3 - с трехконечным крестом. Подтип 3.1 - с растительным орнаментом. Наконечники с короткими боковыми штангами имеют центральное навершие в виде "проросшего ростка", ниже которого - соответствующее рельефное изображение¹⁵³, имеющее массу аналогий в иконографии железного века¹⁵⁴. У наконечников с длинными боковыми штангами есть крестовидный центральный выступ, ниже - нечеткое изображение растительного декора, что показывает вторичность данных предметов относительно наконечников с короткими боковыми штангами.

Подтип 3.2 - с элементами плетеного орнамента. Эти наконечники в своей верхней части имеют выступ в виде "проросшего ростка", по бокам которого представлены вертикальные полосы, составленные из растительных элементов. На тулове - неравносторонний крест, в нижней части переходящий в плетёный орнамент. Подобная схема характерна для скандинавских древностей X-XI вв. и трактуется как изображение мирового древа¹⁵⁵. Указанные орнаментальные полосы по бокам креста в действительности могут изображать извивающихся драконов - хранителей древа. Типы наконечников 2 и 3 связывались П.

Паульсеном с древностями куршей XI в.¹⁵⁶

<Тип с выемкой. Такие наконечники ножен известны на о. Готланд и в Прибалтике в конце XI - начале XII в.¹⁵⁷

Детали портупей. Наконечник ремня из погребения 16 могильника Ирзекапинис с круглым навершием был обнаружен непосредственно у рукояти меча. Остальные наконечники ремней по своей принадлежности будут рассмотрены среди конского снаряжения.

Поясные кольца-разделители, также служившие деталями портупей, характерны для всего балтийского субрегиона в основном в первой половине XI в.¹⁵⁸

Б. Копья (рис. 17). Используя взаимодополняющие типологии Я. Петерсена и А. Руткай, основанные на анализе формы пера копья, прусские копия характеризуются следующим образом: тип E (ланцетовидное перо). Общая длина лезвия около 35 см.

Нередко по втулке украшались пламевидным врезным орнаментом, характерным для балтийского субрегиона в X в.¹⁵¹ Подтип E1 - общая длина около 24 см, в том числе втулка - 12 см. В ряде случаев втулка украшена плакированным орнаментом в стиле рунических камней. Оружие данного подтипа Я. Петерсен датировал XI в. Тип G (ромбическое перо с ромбическим сечением).

Втулки некоторых копий украшены полосами плетеного орнамента, редкого для Скандинавии (первая половина XI в.)¹⁶¹ и возникшего в прусской дружинной среде в конце X в.¹⁶² Подтип G1 - с граненой втулкой. Тип IV6 (перо треугольной формы, сечение ромбическое, с выделенной центральной осью). А. Руткай относит такие копия к типу IV¹⁶³ (G по Я. Петерсену), однако параметры копий пруссов (длина лезвия 15 см, длина втулки 8 см) не соответствуют метрической характеристике данного типа по центральноевропейскому материалу. Втулки прусских копий типа IV6, как правило, украшены плакированным серебром в виде горизонтальных линий, что встречается чрезвычайно редко за пределами земли пруссов¹⁶⁴ и относится к X в.¹⁶⁵

Тип "а" (лавролистное перо, миндалевидное, часто с симметричным сечением). Длина лезвия 12 см, втулки 8 см. Некоторые копия данного типа украшены орнаментом в виде горизонтальных полос. В Центральной Европе близкие по форме копия типа III датируются XII-XIII вв.¹⁶⁶ Однако в древностях скандинавов и пруссов прототипы копий типа "а" известны еще в V-VII вв.¹⁶⁷ Типологический и технологический их анализ позволяет считать последние местной продукцией конца XI - начала XII в.¹⁶⁸ Тип VI (узкое перо квадратного сечения). Появление таких копий в Центральной Европе связывается с восточноевропейским влиянием XII-XIII вв.¹⁶⁹ Тип IV6 (L - сулицы). Длина лезвия до 7 см. Для сулиц характерны перо удлиненно-треугольной формы (два нижних угла - острые) с ромбическим сечением, а также черешок квадратного сечения с крючком на конце для крепления к древку. Все они относятся к метательным дротикам и в Центральной Европе датируются серединой XIII в. Близость форм данных дротиков к форме позднейших китобойных гарпунов позволяет предполагать их использование в раннем средневековье не только (не столько?) как оружие, но и как орудие морского промысла.

В. Топоры. К настоящему времени в древностях междуречья рек Ногаты и Деймы известно 46 топоров X-XIII вв., основная часть которых не была должным образом опубликована. Ввиду невозможности в настоящее время ознакомления с этим материалом характеристика топоров в данной работе выполнена на основе типологических разработок П. Паульсена (рис. 18). Тип 1 - с выделенным обухом, длина лезвия от 14,5 до 16,5 см, ширина около 13 см. Тип 2 - с удлиненным лезвием. Данную форму П.

Паульсен считает местной и датирует X - XII вв.¹⁷² Топоры с лезвием трапециевидной формы (тип 3), оканчивающимся крючком или выступом. Подтип с крючком - длина лезвия от 11 до 15,5 см, ширина около 7 см. На о. Готланд подобное оружие появляется в X в.¹⁷³ Подтип с выступом и с отверстием у лезвия. П. Паульсен называет их родиной юго-восточную Прибалтику и относит к XI-XII вв. Лезвия этих топоров часто орнаментировались серебряной чеканкой или штампом, с обязательным выделением рубящей полосы. Украшенный чеканкой топор из погребения 16 могильника Ирзекапинис имеет полные аналогии в куршских¹⁷⁴

и ливских¹⁷⁵ древностях XI в., где орнамент, правда, упрощен. Подобное оружие снабжено орнаментом, воспроизводящим крыло птицы, вероятно, было приспособлено для метания. В отверстие близ лезвия крепился шкот, и при наличии крючка такие топоры могли успешно выполнять роль абордажных крючьев. Использование топоров в качестве метательного оружия отражено в скандинавской мифологии¹⁷⁶. Тип 4 - равносторонние (секиры) - высота лезвия 22 см, ширина около 18 см (тип М по Я. Петерсену¹⁷⁷). П. Паульсен связывает их происхождение со Скандинавией и датирует серединой X в. На древке секиры из погребения 10 могильника Ирзекапинис находилась бронзовая обтяжка с орнаментом в виде трехлопастного креста (символ бога молний), имеющая аналогии в Англии¹⁷⁸. Топоры-молоты (тип 5) относятся ко второй половине X-XI в.¹⁷⁹ Топоры с серповидно изогнутым лезвием (тип 6) - ширина лезвия около 8 см. Последние характерны для скальвов и литовцев XIV-XV вв.¹⁸⁰ Большая часть упомянутых выше типов топоров [встречаются в древностях Северной и Восточной Европы. Основная часть топоров земли пруссов обнаружена на памятниках Самбии. Подобные скопления в Прибалтике зафиксированы также в северной части земли куршей¹⁸¹ и в земле ливов¹⁸².

Г. Булавы. Тип 1 - в форме октаэдра, изготовлена из бронзы. Близкие по форме булавы известны в Восточной Европе в XI в.¹⁸³, повлияли на появление булав данного типа у пруссов¹⁸⁴. Тип 2 - бисфероидные, изготовлены из железа, по восточнославянскому материалу датируются X-началом XI в.¹⁸⁵ Данный вид оружия в X-XI вв. служил, видимо, отличительным знаком вождей прусской дружины, к XIII в. становится обязательным атрибутом рядовых воинов прусского народного ополчения, их метательным оружием¹⁸⁶.

Д. Боевой нож. Широко распространен в балтской среде к северу от р. Немана, а также в Скандинавии, известен у пруссов в единственном случае в погребении 10 могильника Ирзекапинис.

Е. Шлемы. Единственный тип - сложносоставные остроконечные шишаки с бронзовой втулкойнавершием. Общеизвестное происхождение этих . шлемов - древнерусское (X-XI вв.)¹⁸⁷.

Ж. Щиты. Умбоны щитов неизвестной формы обнаружены на могильнике Тюленино.

З. Кольчуги. Обрывки кольчуги найдены на могильнике Ветрово.

4. Орудия труда.

А. Ножи типологизированы по схеме Р. С. Минасяна¹⁸⁸: группа I - с плавным переходом спинки ножа в рукоять; группа II - спинка ножа прямая; группа IV - клинки отделены от рукоятей выступами. Ножи последней группы датируются в Польском Поморье X-XI вв.¹⁸⁹ Группа V - переход ручки к лезвию выполнен в виде зигзага.

Б. Ножницы пружинной конструкции - типологически соответствуют форме В по схеме А. Беценбергера, датируемой X-XII вв.¹⁹⁰

В. Орудия земледелия - единичные находки серпов (один из них - бронзовый, имел явно ритуальное значение) и сошника в слоях XIII -XIV вв. на городищах Логвинове и Грачевка. Складной серп из погребения 45 могильника Ветрово принадлежит к снаряжению конного дружинника и не имеет отношения к земледелию. Подобные предметы широко распространены в воинских комплексах юга Восточной Европы IX-X вв.¹⁹¹

Г. Острога западнославянского типа X-XI вв.¹⁹² обнаружена в погребении 12 могильника Ирзекапинис.

5. Предметы быта.

А. Точила (оселки) - бруски прямоугольной формы, изготовленные из местных пород сланца (толщиной от 1,5 до 3 см), в ряде случаев - с отверстием, в котором сохраняются обломки бронзового кольца для подвешивания к поясу.

Б. Весы представлены единственным типом -бронзовой складной конструкцией. Чашечки весов, помещавшиеся в бисфероидный футляр, как и балки весов, украшались циркульным орнаментом.

В. Гирьки (табл. 2, 3). Тип 1 - куб со срезанными углами (бронза). Тип 2-боченовидная железная гирька с бронзовой обтяжкой. Тип 3 -цилиндрическая свинцовая гирька с боковым вертикальным рифлением, нередко с изображением креста. Тип 5 - гирька в виде головки подковообразной фибулы. Все указанные типы гирек использовались балтами в X-XII вв.¹⁹³

Таблица 2

Типы гирек в погребениях пруссов

Памятник*	№ погребения	Число точек	Тип	Реальный вес	Условный вес	Кратность
45	14		диргем	1,91		

45	12	1		3,64	3,82	2
45	11		головка фибулы	5,91	5,73	3
45	68		то же	9,53	9,55	5
45	177		2	10,35	9,55	5
45	2	2	2	13,84	13,37	7
45	42		2	13,70	13,37	7
45	30		головка фибулы	13,53	13,37	7
45	5	2	2	14,80	15,28	8
45	37	2	2	15,25	15,28	8
45	2		4 с крестом	15,80	15,28	8
45	68		монета Фаустины Младшей	15,00	15,28	8
45	42	2	2	19,75	19,10	10
45	11		2 с крестом	18,45	19,10	10
45	22	3	2	18,80	19,10	10
45	случайная находка	2	2	19,46	19,10	10
45	место сожжения			22,83	22,92	12
45	27		2 с крестом	22,53	22,92	12
45	30а	4	2	24,90	24,83	13
45	2		2	26,52	26,74	14
45	45		2 с крестом	27,53	26,74	14
45	39		2	28,16	28,65	15
45	16		2	28,50	28,65	15
45	32		2	29,30	30,56	16
45	2	5	2	31,95	32,47	17
45	60	3	2	35,0	34,38	18
45	45	5	2	35,0	34,38	18
45	68		2 с крестом	37,80	36,29	19
45	1		обрубок дрота	39,00	38,2	20
244	место сожжения			38,44	38,2	20
45	29		2 с крестом	39,48	38,20	20

* Нумерация памятников по списку.

Таблица 3
Типы гирек в погребениях пруссов
(кратность - 8,5 г, т. е. "артуг")

Памятник*	№ погребения	Число точек	Тип	Реальный вес	Условный вес	Кратность
45	18		2	8,97	8,5	1
45	4	1	1	12,75	12,75	1,5
45	48		2	12,5	12,75	1,5
45	69		2	12,30	12,75	1,5
45	28	2	2	16,20	17,0	2
45	1	2	2	18,0	17,0	2

45	22	5	2	34,71	34,0	4
45	12		2	84,70	85	10
45	56		2	92,85	93,50	11
* Нумерация памятников по списку.						

Произведенный весовой анализ 40 гирек (в основном из комплексов могильника Ирзекапинис) позволяет выдвинуть предположение о наличии в земле пруссов в конце X-начале XII в. двух весовых систем: "северной" и "южной" (по В. Л. Янину)¹⁹⁴, с безусловным преобладанием последней. В землях балтов к северу от Немана в это время наблюдается обратная картина¹⁹⁵. Основная часть найденных в земле пруссов весов и гирек сосредоточена на Самбии¹⁹⁶. Согласно данным весового анализа этих гирек, можно говорить о наличии тесных экономических связей местного населения с Русью.

Г. Пряслица. Типологизированы в целом по схеме Р. Л. Розенфельдта¹⁹⁷. Тип 1 - боченковидные, шиферные. Диаметр отверстия от 5 до 8 мм¹⁹⁸, нередко по периметру украшены зигзагообразным прорезным орнаментом. Часто расколоты пополам (вследствие обжига на погребальном костре). Тип 2 - усеченно-биконические. Глиняные пряслица такой формы (общий диаметр до 4 см, больший, нежели у шиферных) в V - VI вв. украшались по периметру штампованным орнаментом. Тип 3 - цилиндрические, шиферные. Подтип 3.1 - шайбовидные, янтарные (возможно, бусины крупных размеров?).

Д. Замки представлены цилиндрическими конструкциями с железным, обтянутым бронзовым листом корпусом XI-XII вв.¹⁹⁹ Типы ключей: 1-й - с круглой рабочей частью; 2-й - торцевые; 3-й - с гребневидной рабочей частью²⁰⁰; 4-й - с "бородкой".

Е. Шкатулки, деревянные (костяные?) с железной оковкой, найдены в могилах только в обломках,

Ж. Кресала. Тип 1 - подпрямоугольное; тип 2 - калачевидное.

3. Гребни костяные, известны в основном только в обломках. Отдел "сложносоставные". Части этих гребней скреплялись железными или бронзовыми заклепками, спинки украшались линейным и циркульным орнаментами. Отдел "двусторонние цельные" - характерны для Восточной Европы в X - XIV вв.²⁰¹

И. Ритоны. Оковки верхней части ритонов представлены двумя типами: тип 1 - широкая полоса из серебряной бляхи со штампованным орнаментом (в элементах совпадает с орнаментом на ножнах однолезвийных мечей), восходят к местным древностям IV-V вв.²⁰² Тип 2 - узкая бронзовая пластина, охватывавшая верхний край ритона, часто встречается в погребальных памятниках куршей XI - XII вв.²⁰³, восходит к скандинавским образцам²⁰⁴.

К. Ведро - редкая находка в могилах пруссов, представлены в обломках (сожжены на костре) в могильниках Ирзекапинис и Сосновка, имеют традиционно скандинавскую форму²⁰⁵. Две накладки из бронзы, плакированной серебром (?), находившиеся на ведре у основания его ручки (погребение 16 могильника Ирзекапинис), воспроизводят один из вариантов изображения бдина²⁰⁶.

Л. Блюда бронзовые являются массовым материалом прежде всего на могильниках Муромское и Ирзекапинис. Эти сосуды, имеющие форму уплощенной сферы и выполненные в тонкой восковой модели без кольцевого поддона и без орнамента, предположительно могут считаться продуктами местного производства²⁰⁷. Подобные блюда, изредка обнаруживаемые в Скандинавии²⁰⁸, воспроизводят металлическую культовую (?) посуду мастерских Германии, встречаемую в Польском Поморье²⁰⁹. В Скандинавии бронзовые блюда входят в состав пиршественной посуды и интерпретируются как принадлежность захоронений типа В1 эпохи викингов 210. I, В данном случае наличие пиршественной посуды является пережитком традиций вендельской эпохи. В погребениях пруссов блюда использовались, как свидетельствуют находки на могильнике Ирзекапинис, для переноса костей с костра в могилу.

М. Кувшин бронзовый (высота 6 см) найден в погребении 62 могильника Родники. Изображения таких сосудов известны в западноевропейских рукописях X - XI вв.²¹¹, что указывает на происхождение первого.

Н. Керамические сосуды из прусских погребений K VI-XIII вв. по форме и орнаменту типологизируются следующим образом (рис. 19).

Тип 1 - биконическая урна, восходящая в целом к местным традициям вплоть до эпохи раннего железа. Подтип 1.1 - сосуды с расширением тулова (высота в среднем 18 см) в нижней трети высоты изделия, по ребру орнаментированные прорезным (продавленным) зигзагом, ограниченным сверху и снизу напелными валиками. Венчик выгнут наружу, у ребра встречаются напелные выступы. Аналогии этим сосудам известны в придунайских древностях гепидов VI в.²¹² Вариант 1.1.1 - с горизонтальными кольцевыми напелами в районе ребра. Подтип 1.2 (высота около 11 см) - с расширением тулова несколько ниже середины высоты, орнамент не стандартизируется, обязательными являются лишь конические напелы. Сюда относятся два парных сосуда и сосуд с ручкой. В скандинавском материале III-V вв. керамика данного подтипа имеет отдельные аналогии 213. Подтип 1.3 (высота около 16 см) - с расширением тулова в нижней трети высоты, орнаментированы "лоскутным" штампованным орнаментом, воспроизводящим конструкцию кожаных походных сосудов, имевших в I тысячелетии н. э. распространение у тюрок-кочевников²¹⁴.

Тип 2 - сосуды биконической формы со слабо выделенным ребром, венчик отогнут, орнамент отсутствует. Подтип 2.1 - соотношение величин диаметра и высоты в значении менее 1, пропорции вытянутые. Подтип 2.2 - на кольцевом поддоне. Сюда же условно относятся "чаши" с зигзагообразным орнаментом. Перечисленные выше типы сосудов полностью сохраняют местные керамические традиции эпохи римского влияния: участие круга при их изготовлении незначительно, при формовке, возможно использовалась поворотная дощечка.

Следующие типы прусской керамики изготавливались на кругу (с разной степенью его применения).

Тип 3 - чаши усеченно-конической формы, орнаментированные прорезным орнаментом и гребенчатым штампом.

Тип 4 - сосуды яйцевидной формы (группа Ala по Д. Селлинг) 21в, соотношение диаметра и высоты 0,8 см, считаются южноскандинавского происхождения со славянскими элементами. Орнаментированы прямыми и волнистыми прорезными линиями, штампованный орнамент редок. В Германии такие сосуды изготавливались вплоть до XIII в.²¹⁶, продолжая местную славянскую традицию.

Тип 5 - сосуды сфероконической формы (соотношение диаметра и высоты 0,8 см), венчик резко отогнут наружу, имеет S-видную форму (основная группа AI по Д. Селлинг). Сосуды данного типа представлены в Гданьске в 980 - 1090 гг.²¹⁷

Тип 6 - сосуды формы, близкой к биконической (соотношение диаметра и высоты 1), под венчиком - прямая или наклонная ровная стенка. Орнамент - прорезные линии и гребенчатый штамп. Учитывая преобладание в массиве прусской керамики данного типа, можно предположить его местное происхождение²¹⁸. Подобная керамика близка торновскому типу сосудов Западного Поморья X в.²¹⁹

Тип 7 - сосуды тюльпановидной формы (соотношение диаметра и высоты 0,5), орнамент - прорезные линии. Возможна генетическая связь данного типа с типом 6.

Для погребальной керамики пруссов характерной чертой является стандартная высота изделия (от 7 до 8 см), присущая прежде всего типу 7. Показательно, что все сосуды с данным параметром являются урнами-2, т. е. служили для переноса костей с костра в могилу. С той же целью использовались и лепные сосуды подтипа 1.3.

Особого внимания заслуживают своеобразные "клейма" на четырех сосудах (рис. 20) типа 6 (могильник Ирзекапинис). До обжига три знака были выложены на их днищах крупной дрсвой. В целом подобные "клейма" раннесредневековых ние. Кольца снабжены железными или бронзовыми обоймами-держателями постромок. К данному подтипу относятся семь удил с бронзовыми кольцами. Удила подтипа 2 из погребения 23 могильника Кост-рово II имеют штанги трензеля крестообразного сечения, что характерно для Северной Европы X в.²²⁹ Подтип 3 - диаметр колец 10 см. Штанги трензеля витые. Тип 2 - кольчатые трехчастные. Диаметр колец от 5 до 15 см. Центральная перемишка трензеля S-видная, штанги в 11 случаях витые. Тип 3 - двухчастные с псалиями. Подтип 1 - удила с лопастными псалиями (по В. Ла Бому - тип Даумен)²³⁰, изготовленными в основном из бронзы. Подтип 2 - с прямыми железными псалиями. Подтип 3 - с S-видными псалиями. Подтип 4 - с роговыми псалиями, украшенные прорезным орнаментом. По форме им подражают псалии удила подтипа 3.1 (тип Даумен). Весьма близкие аналогии удилам подтипов 3.1, 3.2 и 3.3 имеются в древностях Подунавья раннеаварской эпохи²³¹. Подтип 5 - с серповидными ("крылатыми") псалиями длиной от 3 до 20 см, часто - с плакировкой цинковым сплавом или серебром и чеканным орнаментом. Подтип 6 - с псалиями треугольной формы, длиной около 15 см, плакированы серебром. Подтип 7 - с прямыми, уплощенными псалиями длиной около 12 см. В одном случае штанги трензеля имеют характерное для скандинавских древностей крестообразное сечение.

Для сопоставления с удилами Восточной Европы, систематизированными А. Н. Кирпичниковым²³², составлена следующая таблица.

Таблица 4

Типы удил Восточной Европы	Земля пруссов	1.2	2	3.4	3.5	3.6	3.7
	Русь	IV	V	I в	III		I б
Хронология		IX-XIII вв.	X-первая половина XIв.	IX-XIвв.	X-XIвв.		X-XIIвв.
Происхождение			Сев.Европа		Сев.Причерноморье		

Находки на могильнике Кауп удила подтипа 1.2 и типа 2 (с витым трензелем) в комплексах IX-X вв., имеющих скандинавские черты, подтверждают мнение А. Н. Кирпичникова о причастности данных предметов к североевропейским древностям. Однако анализ материала прусских могильников VI-VIII вв. позволяет связать их появление с землями западных балтов. Вывод А. Н. Кирпичникова о месте появления удил подтипа 3.5 следует пересмотреть ввиду неравномерной представленности последних в местном (24 экз.) и древнерусском (7 экз.) материалах. Такие удила возникли в юго-восточной Прибалтике не ранее конца X в. и восходят, видимо, к удилам с прямыми псалиями подтипа 3.7. Сходная картина распространения удил (в основном типа 2 и подтипа 2.5) наблюдается в древностях балтов нижнего течения р. Немана в XI-XII вв.²³⁴

3. Стремена представлены в древностях пруссов 134 экз. В основу типологии положена схема И. Антанавичюса²³⁵. Тип I - восьмерковидные. Для Самбии И. Антанавичюс датировал их IX-X вв. В действительности ранний этап развития данного типа следует определять началом VIII в., когда он был воспринят пруссами из массива древностей 1 аварского периода²³⁶. Подтип 1.1 - стремяна с перевитой петлей для крепления ремня. Раннемадьярский тип - со ступенькой, скованной из отдельных полос, - первая половина IX в.²³⁷ Тип III, вариант а - стремяна высотой от 7 до 14 см, с выносным прямоугольным держателем ремня, с двумя защипами на ступеньке, имеют треугольную форму, видимо производную от стремян восьмерковидной формы. Их появление отмечается в Скандинавии в X в.²³⁸, существуют до середины XI в.²³⁹ В памятниках пруссов стремяна в парах обычно разнятся своими параметрами до 4 см. Тип V - с широкой плоской ступенькой и прорезными бортиками. Данная форма связывается с Данией X в.²⁴⁰ Тип VI, вариант г - стремяна яйцевидной формы, высотой от 8 до 13 см, с утолщением в точке перехода боковой штанги в рифленую ступеньку. Тип IV - в форме вытянутого овала, с серебряной плакировкой. Тип VII вариант а - круглые стремяна, высотой от 8 до 12 см, крепление к ремню при помощи железной обоймицы, дужки стремян орнаментировались как инкрустацией (серебро или бронза), так и плакировкой. Ступенька рифленая, шириной до 5 см. Подтип VII.1 - с уплощенными

дужками и боковыми выступами. Подтип VII. 2 - только с уплощенными боковыми выступами. Тип 1 - стремена овальной формы, высотой около 8 см, без отверстия для крепления ремня. Тип 2 - стремена подтреугольной формы, высотой от 9 до 12 см. Подтип 2.1 - с овальным выступом для крепления ремня. Подтип 2.2 - со скрещенными в верхней части дужками. Тип 3 - стремя с плоской дужкой, имеет треугольную форму с выступами ниже широкой ступеньки. Подтип 3.1 - выступы ниже ступеньки отсутствуют. Подтип 3.2 - стремена трапецевидной формы, появились у пруссов на рубеже VII - VIII вв.²⁴¹ Подтип 3.3 - стремя с узкими боковыми сторонами. Подтип 3.5 - с ромбической в плане ступенькой.

Орнаментика, встреченная на стременах типов VII и 3, известна на скандинавском материале XI в.²⁴² Стремена типов III, IV и VI считаются привнесенными в Прибалтику из Скандинавии и Восточной Европы²⁴³. Типы VII и 3 - балтского происхождения. Последние, а также стремена типа 2 непосредственно восходят к раннемадьярским прототипам²⁴⁴.

4. Конские оголовья представлены ремнями, покрытыми металлическими накладками. Тип 1 - прямоугольные накладки длиной от 2 до 12 см, изготовлены из бронзы. Подтип 1.1 - прикреплены к сбруе при помощи одной или двух пар бронзовых заклепок, датируются VII в. Вариант 1.1а - накладки длиной около 2 см, крепившиеся поперек ремня, орнаментированы горизонтальными прорезными линиями. Вариант 1.1б - укреплены продольно, орнаментированы "волчьим зубом". Вариант 1.1в - присоединены к ремням при помощи проволоки, орнаментированы двумя-четырьмя рядами жемчужного орнамента (псевдозаклепки), "плетенкой", решетчатым и зигзагообразным орнаментами. Данные накладки датируются по погребению V могильника Тумяны концом VII - начало VIII в. и, кроме Мазурского Поозерья, известны только на памятниках пруссов в устье р. Ногаты. Подтип 1.2 - накладки прямоугольной формы с Т-образным прорезным орнаментом, как и накладки варианта 1.1 а, могли служить украшениями пояса. Тип 2 - накладки квадратной формы. Подтип 2.1 - в виде "кринovidного креста" (бронза, плакированная серебром), восходят к протомадьярским древностям начала IX в.²⁴⁵ Подтип 2.2 - бляхи размером 1X1 см с орнаментом в виде плетеного креста (X--XI вв.)²⁴⁶ или с "жемчужным" декором. Подтип 2.3 - железные с боковыми треугольными вырезами. Близкий к ним подтип 2.4 - накладки железные с квадратными боковыми вырезами, восходят к вендельским образцам VIII в.²⁴⁷

Тип 3 - круглые накладки. Подтип 3.1 - умбовидные, изготовлены из бронзы, хорошо известные как в вендельской Скандинавии²⁴⁸, так и в Подунавье VI-VII вв.²⁴⁹ Подтип 3.2 - полусферические, диаметром до 2 см, первоначально (на позднем этапе эпохи переселения народов) также характерны для Скандинавии²⁵⁰ и Среднего Подунавья²⁵¹. Подтип 3.3 - накладки с солярным орнаментом, продолжающие аварские традиции²⁵².

Тип 4 - железные, таушированные серебром бляхи, центром распространения которых прежде считался дружинный центр XI-XII вв. в земле аукштаитов²⁵³.

Четверики, скреплявшие ремни оголовья в точке пересечения, представлены полусферическими накладками с четырьмя прямоугольными выступами, изготовлявшимися из бронзы и имеющими многочисленные прототипы в конском снаряжении племен Евразии гуннской поры.

Подвески к конскому оголовью представлены единственным типом: налобные подвески миндалевидной формы с изображением ворона, изготовлялись из бронзы и покрывались листовым серебром. Последние служили социальным признаком коней прусских дружинников. Изображение ворона в земле пруссов, как и в других землях балтийского субрегиона, служило дружинной эмблемой и являлось практически первым гербом раннесредневековой Европы²⁵⁴.

Наконечники ремней, сделанные из бронзы, изредка покрывались серебряной фольгой. Тип 1 - ланцетовидные. Подтип 1.1 - наконечники шириной до 1 см. Подтип 1.2 - шириной до 3 см. Предметы обоих подтипов орнаментировались штампами в виде треугольников и полукружий, линейным орнаментом по периметру наконечника. Тип 2 - обоймица подтрапецевидной формы с линейным орнаментом. Тип 3 - в виде стилизованной конской головки, символизирующей, видимо, прусский обычай жертвоприношения конской головы. Тип 3а - наконечник (спаренный) в виде голов животных, имеет североевропейское происхождение (с начала X в.)²⁵⁶. Тип 4 - удлиненной формы, с двумя треугольными вырезами в верхней части. Наконечники типов 3 и 4 в ряде случаев служили в конском оголовье подвесками.

На материале могильника Ирзекапинис можно проследить этапы деградации накладок и подвесок конских оголовий. Особенно четко этот процесс реализуется на примере подвесок типа 1 и накладок типа 3. Наиболее сходны по рисунку подвески типа 1 из погребений 10 и 52; 36, 56 и 37а, особняком стоят находки из погребения 65, явно не являющиеся синхронными. В конце этой линии развития рисунок ворона приобретает чрезвычайно схематизированные и деструктурные черты, сходные (по накладке из погребения 64) с позднейшим знаком литовского князя Миндовга²⁵⁷. Генетически накладки типов 2, 4 и 5 восходят к соответствующим типам литых накладок, связанных в целом с южнорусскими древностями X - XI вв.

Конструкции оголовий, зачастую фиксируемые в погребении *in situ*, систематизируются следующим образом (рис. 21). Тип 1 - трехременная. Подтип 1.1 - конструкция, снабженная накладками подтипа 1.1 и четвериками. Подтип 1.2 - с малыми прямоугольными накладками, помещенными поперек ремня, и четвериками. Подтип 1.3 - с круглыми накладками подтипа 2.2. Подтип 1.4 - с накладками типа 2. Тип 2 - четырехременная конструкция, включающая налобный ремень. Подтип 2.1 - с накладками подтипа 1.1 и четвериками, близок оголовью подтипа 1.2. Подтип 2.2 - с круглыми накладками подтипов 2.2 и 2.3, близок оголовью подтипа 1.4, была распространена в Среднем Подунавье уже в V в.²⁵⁸ Подтип 2.3 - конструкция, снабженная только накладками подтипа 1.2. Тип 3 - с тремя поперечными ремнями. Особый вид - конструкция с перекрещенными налобными ремнями.

По сопутствующему комплексу хронология такова: оголовья подтипа 2.3 - конец VII - начало VIII в., подтипа 1.3 - начало VIII в., остальные датируются временем после середины VII в.

Традиция конструкции оголовья коней из четырех ремней, снабженных прямоугольными накладками (тип Кирпенен),

прослеживается в юго-восточной Прибалтике уже во II - III вв. н. э. и считается местной²⁵⁹. Новым для раннесредневековых пруссов явились конструкции оголовий с перекрещенными налобными ремнями, снабженными (зачастую с двух сторон ремня) накладками с тисненым орнаментом.

Оголовья подтипа 1.4 с крупными и мелкими квадратными накладками и налобными подвесками известны в дружинных древностях Восточной Европы X в.²⁶⁰ Оголовья типа 3 являются местным изобретением, косвенно на это указывает подгонка накладок оголовья иного вида к схеме типа 3 в погребении 45 могильника Ирзекапинис²⁶¹. Схема оголовий типа 2 функционировала в кочевой среде Поднепровья в X в.²⁶², она известна также в дружинных древностях юго-восточной Польши X-начала XI в., попав туда, видимо, с прусскими воинами.

5. Седла представлены в древностях пруссов бронзовыми или железными оковками с деревянными фрагментами собственно седел.

6. Навершие плети уникально (погребение 2 могильника Ирзекапинис), имеет прямые аналогии в раннебулгарских древностях Поволжья X - начала XI в.²⁶⁴

7. Ботала представляют собой колокольчики усеченно-конической формы, изготовленные из пакетированных листов железа, бронзы, реже - серебра. Судя по находкам на могильнике Ирзекапинис в комплексах оголовий *in situ*, ботала располагались между выступами нижней челюсти коня.

8. Скребницы, являвшиеся в III-V вв. массовым материалом в конских захоронениях могильников эстиев, для пруссов VI-XIII вв. чрезвычайно редки, сохраняют при этом традиционную форму.

Все изложенное выше позволяет трактовать конское снаряжение пруссов как вполне самобытный и цельный вещевой комплекс, выделяющийся на фоне соответствующих категорий инвентаря остальных раннесредневековых балтов. В комплексах VI - начала VIII в. конструктивно и в деталях оголовья продолжают линию развития предшествующего времени²⁶⁵. С VIII в. оголовья коней прусских воинов постоянно включают в свои схемы новаций, связанные первоначально с традициями тюркских кочевников Подунавья и Поволжья, затем реализуют некоторые черты традиций дружинного снаряжения Среднего Поднепровья. Для прусских могильных комплексов эпохи раннего средневековья характерным является наличие определенной группы предметов, практически непригодных для реального использования (горизонтальные шпоры с шипом диаметром 0,5 см, бронзовые шпоры, удила с длиной трензеля 10 см, пластинчатые стремяна миниатюрных размеров с боковинами толщиной 4 мм). Подобный феномен уже отмечался для погребальных древностей куршей X-XII вв.²⁶⁶ Правда, конские захоронения там отсутствуют. Пояснение этому феномену в прусской культуре дает остеологический анализ останков 11 коней (могильник Ирзекапинис), выполненный В. П. Данильченко. Возраст трех из них от 1 до 1,5 лет, т.е. конь для выезда еще не пригоден. Останки других животных также принадлежат жеребяткам близкого к упомянутому выше возрасту. Именно в комплексах с останками этих жеребят (погребения 7, 8, 13, 14, 18) и найдены детали конского снаряжения, не подходящие для реального использования. В погребениях 28 и 34 на челюстях коней зафиксированы невыпавшие молочные зубы. Итак, "субтильные" варианты предметов конского снаряжения можно считать принадлежностью конского молодняка, в ритуальных целях помещавшегося в могилы пруссов. Конское захоронение имело в прусском погребальном обряде важную роль. Согласно их представлениям, путь в заоблачные дали покойный осуществлял верхом, что убедительно показано в Христубургском договоре 1249 г.²⁶⁷ Этот обычай находит отражение на поминальных камнях XI в. с о-ва Готланд²⁶⁸ (изображение пути в Валгаллу).

ХРОНОЛОГИЯ ПРУССОВ ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Приведенный выше типологический анализ предметов, составлявших погребальный инвентарь могильников междуречья Ногаты и Деймы, был нацелен на выявление непрерывных и наиболее характерных направлений развития местной материальной культуры. В перспективе эти направления имеют хронологическое значение. Полученные типологические ряды, подкрепленные прочно датированными отдельными позициями (по аналогиям с традиционной, устоявшейся в современной науке датировкой), несомненно, предполагают разные временные показатели для типов вещей, например находящихся на противоположных концах этих рядов.

Выявлению прусской раннесредневековой археологии способствовал временной анализ тесно связанной с прусской культурой мазурской культурной группы²⁶⁹ и базового для исследуемых древностей могильника Суворово²⁷⁰ (табл. 5). Внимательное рассмотрение локально представленных значений признаков по методу, предложенному П. П. Ефименко²⁷¹, определило устойчивые сочетания определенных предметов по подтипам и вариантам, прежде всего фибул и пряжек (для VI-VIII вв.), удила и стремян (для IX-XII вв.). Микроанализ данных, полученных при раскопках некоторых могильников (табл. 6), уточнил хронологию пруссов X - XI вв. Несмотря на то что такая сложнейшая часть исследования древностей пруссов, как хронология, требует дальнейших конкретных разработок, уже на современном этапе работы можно сделать определенные выводы.

Учитывая возможность выявления хронологических этапов посредством всестороннего разбора отдельных локально представленных признаков, использовавшегося в советской археологии еще в предвоенное время²⁷², проведен соответствующий анализ групп признаков. Полученные графы ((рис. 22) - (рис. 23)) представляют собой последовательно соединенные, в целом локальные, три скопления вариантов признаков. На эту схему накладываются данные погребального обряда. Привлечение хронологических данных (по имеющимся установленным аналогиям) для различных категорий инвентаря позволяет схему относительной временной связи продатировать абсолютно. Полученные хронологические периоды прусской археологии выглядят следующим образом.

Этап I (конец V-третья четверть VI в.) - погребальный обряд - от одной до трех групп кальцинированных костей без остатков

погребального костра, зачастую - в урне, разбитой камнями, помещавшейся в округлую яму. Обязательный инвентарь - арбалетовидные фибулы типа 2, пальчатые фибулы с тремя "лучами", пряжки типа 1, тордированные гривны, в начале этапа - рифленые височные кольца; сосуды подтипов 1.1, 1.2. Данный этап характеризует состояние местной культуры в процессе развития местных древностей периода E1a (по К. Годлевскому).

Таблица 5

Взаимовстречаемость некоторых подтипов фибул и пряжек

Могильник	Погребение	Фибулы арбалетовидные				Фибулы пальчатые	Дериват	Пряжки		
		1	2.1	2.2	2.3			1.1	1.2	2
Суворово	131	+					+	+		
	138	+				+				
	146	+						+		
	164	+						+		
	222		+						+	
	319		+						+	
	317			+					+	
	303			+						+
	286	+		+					+	
	284			+					+	
	204			+					+	
	162			+					+	
Речное	90				+				+	
Суворово	287				+					+
	278				+				+	
	264				+				+	+
	213				+				+	
	165				+				+	
	307				+					+
	386				+					+
	192					+			+	

Таблица 6

Хронологические показатели могильника Ирзекапинис

№ погребения	Стремена							Удила				Шпоры				Пряжки						Копья						
	1	2	III	IV	V	VI	VII	3	1.2	3.4	3.5	3.7	I	1	III	IV	1	2	3	4	5	*	E	G	IV6	L	a	
23			+						+																			
18			+						+																			
67			+						+									+										
22			+						+				+				+							+	+			
10				+						+					+													
52							+			+					+													
39						+					+			+														
11				+				+															+		+			
38				+									+															+
36								+			+	+			+									+				+

33								+							+								+									+													
56								+																																					
61								+																																					
64																+																													
37a								+							+																														
42																																													
65																																													
* Отдел "трехчастные"																																													

Этап II (конец VI - третья четверть VII в.) - происходит постепенное распространение погребального обряда типа 2 (конское захоронение - в нижнем ярусе), кальцинированные кости в урнах или группы костей сменяются рассеянными среди остатков погребального костра отдельными костными обломками. Обязательными являются сосуды подтипа 1.3, гривны.

Этап III (конец VII - начало VIII в.) - обряд стабилизируется в виде двухъярусного захоронения (тип 2). Встречаются как безы Inventарные могилы, так и комплексы, где количество инвентаря превышает 10 единиц (в том числе могилы, содержащие останки военачальников с ритонами, которым сопутствовали в одной яме два-три захоронения рядовых (?) воинов).

Обязательными являются арбалетовидные фибулы подтипа 4, пряжки подтипов 4, 5, биконические сосуды (урны-2) с "лоскутным" орнаментом. Могильникам берегов Калининградского залива характерны предметы готландского, западноевропейского и западномазурского происхождения. Некоторые могильники (Ленче, Светлый) закладываются на новых местах.

Этап IV (конец VIII-начало X в.) - ведущий обряд - подтипа 2.1. Распространяются ранее чуждые пруссам категории инвентаря (стремена и удила со штангами, привнесенные из кочевого мира). В начале данного периода окончательно исчезают последние reminiscenции местной культуры позднего этапа эпохи переселения народов (бронзовые четверики, длинные накладки конских оголовий, многочисленная гарнитура поясных наборов).

Этап V (X в.) - обряд - подтипа 2.1. Ведущий инвентарь - стремена типов III и 2, кольчатые удила типов 1 и 2, ланцетовидные копыта типа E. Распространяются предметы североамериканского происхождения (удила с витым трензелем, железные накладки конского оголовья).

Этап VI (конец X-начало XI в.) характеризуется прежде всего расцветом дружины северовосточной Самбии, могильники которой выделяются обилием отделанных серебром находок, разнообразием номенклатуры инвентаря. Ведущим для всей земли пруссов остается обряд подтипа 2.1, однако "консервативные" погребения мужчин, сопровождаемые расположенными к западу костяками коней, сохраняются с VI в. по левобережью р. Деймы. Этап VII (начало XII-начало XIII в.) ознаменован распространением ингумаций с северной ориентировкой. Господствуют подковообразные фибулы с витым или тордированным корпусом, витые гривны, витые и пластинчатые браслеты, перстни. Находки оружия в погребениях крайне редки. Традиции материальной культуры пруссов резко меняются прежде всего из-за исчезновения дружинных древностей, а также вследствие усиления контактов с соседними родственными племенами. Для всей западной части балтского мира на данном этапе созданы предпосылки для формирования единой культуры.

Этап VIII (с начала XIII в.) - преобладание ингумаций с западной ориентировкой. Обряд пруссов, возможно, испытывает влияние христианских традиций прежде всего из-за исчезновения дружинных древностей, а также вследствие усиления контактов с соседними родственными племенами. Для всей западной части балтского мира на данном этапе созданы предпосылки для формирования единой культуры.

Этап VIII (с начала XIII в.) - преобладание ингумаций с западной ориентировкой. Обряд пруссов, возможно, испытывает влияние христианских традиций. Ведущий инвентарь (как и у остальных западных балтов) - прямоугольные кресала, плоские браслеты, подвески из блях.

* Н - соотношение высоты и ширины рамки пряжки.

** Здесь и далее типология прусского археологического материала составлена по данным типологических схем ряда исследователей, с добавлением автора.

1 Jaskanis I. 1974. S. 268.

2 Ibid. S. 267.

3 Okulicz I. 1973. S. 447.

4 Ibid. S. 449.

5 Kaczihski M. 1976. S. 258.

6 Dabrowski K. 1975. S. 267.

7 Кулаков В. И. 1985б. С. 130.

8 Grunert W. 1944. Abb. 1.

9 Кулаков В. И. 1985а. С. 85.

10 Кулаков В. И. 1980а. С. 89-91. 11 Gronau W. 1983. S- 141.

12 Валатка В. 1977. С. 423; Васке А. 1974. С. 397.

13 Dorr R. 1914. S. 5.

14 Мату зова В. И. 1979. С. 26.

15 Галл Аноним. 1961. С. 33.

- 16 Janssen H. L. 1939. S. 193.
- 17 Кулаков В. И. 1985в. С. 53.
- 18 Таутавичюс А. 3. 1980. С. 86.
- 19 Там же. С. 84.
- 20 Nalera J. 1964. Мара.
- 21 Zoll-Adamikowa П. 1979. Rye. 59.
- 22 Gaerte W. 1931. S. 125.
- 23 Пашуто В. Т. 1955. С. 501.
- 24 Стурлуссон С. 1980. С, 9.
- 25 Odoj R. 1958. S. 152.
- 26 Hensche W. 1871. S. 136.
- 27 Muller-Wille M. 1970-1971. S. 188.
- 28 Кулаков В. И. 1988. С. 125, 126.
- 29 Амброз А. К. 1966. С. 16.
- 30 Aberg N. 1919.
- 31 Kulakow W. I. 1990.
- 32 Kuhn H. 1974. S. 869.
- 33 Unverzagt W. 1960. S. 145-147.
- 34 Tallgren A. M. 1925. S. 6.
- 35 Bohner K. 1958. S. 90, Taf. 12.2.
- 36 Klindt-Jensen O. 1955. Fig. 88.
- 37 Nerman B. 1935. S. 70.
- 38 Gaerte W. 1929. S. 224, Abb. 170 d, g; Abb. 187 b.
- 39 Амброз А. К. 1966. С. 32, табл. 14, 20, 266.
- 40 Bohner K. 1958. S. 110.
- 41 Nerman B. 1935. S. 125.
- 42 Корзухина Г. Ф. 1978. С. 29.
- 43 Nerman B. 1969. Taf. 291.
- 44 Odoj B. 1958. Rye. 4.
- 45 Salmo H. 1956. S. 30-36.
- 46 Muhlen B. 1975. Taf. 40,6.
- 47 Мальм В. А. 1967. С. 163.
- 48 Сергеева З. М. 1977. С. 36.
- 49 Nerman B. 1929. S. 146.и Dillon M., Chadwick N. K. 1975. Rye. 42, 43.
- 51 Lietuviv liaudies menas. 1958. N 450.
- 52 Nerman B. 1931. S. 169-171.
- 53 Engel C. 1931a. S. 86; Urbanavicius V. 1979. P. 20, il. 1-3.
- 54 Мальм В. А. 1967. С. 168.
- 55 Goplenec. A. 1958. S. 161.
- 56 Urtans J. 1980. P. 81.
- 57 Odoj B. 1958. S. 145.
- 58 Арх. ИА АН СССР. № 2292.
- 59 Мальм В. А. 1967. С. 171.
- 60 Thiel E. 1968. Abb. 150.
- 61 Tautavicius A. 1978. Zem. 34.
- 62 Muhlen B. 1975. Taf. 41, 12.
- 63 Volkaite-Kulikauskiene R. 1970. P. 165.
- 64 Nerman B. 1929. S. 146.
- 65 Muhlen B. 1975. Taf. 25.
- 66 Дедюхина В. С. 1967. С. 203.
- 67 Aberg N. 1919. S. 106.
- 68 Vona I. 1976. S. 56.
- 69 Pirling B. 1974. Taf. 52(2).
- 70 Ковалевская В. Б. 1979. Табл. XIII, 6.
- 71 Nerman B. 1929. S. 124, 125.
- 72 Balodis F. 1936. P. 27, 14.
- 73 Gaerte W. 1935. S. 65.
- 74 Statens Historiska Museum. 1907. Fig. 167.
- 75 Muhlen B. 1975. Taf. 22.
- 76 Gaerte W. 1929. Abb. 182.
- 77 Fettich F. 1926. Pl. VII. 17, 18. 78 Фехнер М. В. 1967. С. 73.

- 79 Latvijas PSR archeologija. 1974. Tab. 48, 1, 2.
- 80 Фехнер М. В. 1967. С. 71.
- 81 Odoj R. 1958. Tab. XXI-XXIII.
- 82 Urbanavicius V. 1980. P. 14, 15.
- 83 Volkaite-Kulikauskiene R. 1971. P. 38.
- 84 Cilinska L. 1966. S. 154.
- 85 Левашева В. П. 1967. С. 215.
- 86 Там же. С. 228.
- 87 Kulikauskas P., Kulikauskiene B., Tautavicius A. 1961. P. 490.
- 88 Hoffmann J. 1941. Taf. XII.
- 89 Недошивина Н. Г. 1967. С. 261.
- 90 Там же. С. 264.
- 91 Kulikauskas P., Kulikauskiene R., Tautavicius A. 1961. P. 500.
- 92 Мугуревич Э. С. 1965. Табл. VIII, 14.
- 93 Tonisson E. 1974. Taf. XXV, 4. м Hensel W. 1966. Fig. 225.
- 95 Daiga J. 1980. 1!. 10.
- 96 Odoj R. 1958. Tab. XVIII. 1, 2.
- 97 Спицын А. А. 1904. Табл. 1,3. № Odoj R. 1958. Tab. XVIII, 8.
- 99 Stacja archeologiczna ШКМ PAN w Wolinie. N 1078/66.
- 100 Ibid.
- 101 Muzeum archeologiczny w Malborku. 102 Краут А. 1980. Табл. XVIII, 12-15.
- 103 Valodis F. 1936. P. 2-4.
- 104 Зверуго Я. Г. 1975. Рис. 38. 105 Valodis F. 1936. P. 1, 5.
- 106 Latvijas PSR archeologija. Tab. 76, 11. 107 Хвоцинская Н. В. 1976. Рис. 1, 23, 24.
- 108 Lietuvių liaudies menas. P. 100.
- 109 Мальм В. А., Фехнер М. В. 1967. С. 134-137.
- 110 Таутавичюс А. З. 1980. С. 85, 86.
- 111 Tautavicius A. 1978. Prieda 49.
- 112 Heim B. 1934. Bild. 20. 113 Ehrlich B. 1931. S. 18.
- 114 Urbanczyk P. 1978. S. 113.
- 115 Fettich F. 1926. Tab. VII. 8.
- 116 Амброз А. К. 1971. Рис. 14, 9.
- 117 Engel C. 1939. Abb. 9.
- 118 Gaerte W. 1929. Abb. 150.
- 119 Ibid. Abb. 197. a, c.
- 120 Urbanczyk P. 1978. S. 115.
- 121 Ibid. S. 128.
- 122 Csallany D. 1961. S. 14.
- 123 Werner J. 1935. S. 87, Taf. 9.
- 124 Ruttkai A. 1976. Abb. 1.
- 125 Petersen J. 1919. S. 70-75.
- 126 Ibid. S. 78.
- 127 Ibid. S. 83.
- 128 Ibid. Fig. 72.
- 129 Ibid. S. 105.
- 130 Muhlen B. 1975. S. 142.
- 131 Petersen J. 1919. S. 126.
- 132 Muhlen B. 1975. S. 122.

АРЕАЛ КУЛЬТУРЫ ПРУССОВ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Первые систематизаторы древностей пруссов О. Тишлер, Г. Кемке, Э. Холл на культурные круги¹. Разработанные О. Тишлером этапы прусской хронологии критерием для последующих исследователей вплоть до начала 30-х годов XX в. "археологическая культура" ввел К. Энгель³. В послевоенное время накопленный материал позволил конкретизировать границы прусской культуры прежде всего для первых веков нашей эры. Называя ее западнобалтской, Е. Окулич ограничивает ареал последней реками Пасленкой, Неманом и верховьями рек Омулев и Писса⁴. Из этих пределов в V в., по М. Качинскому, вычлняется судавская культура⁵. Для VI-VII вв. К. Энгель и В. Ла Бом считали границы прусской культуры постоянными, подразделяя ее на отдельные группы (самбийско-натангийская, вармийская и др.⁶). Подобного взгляда придерживалась и Ф. Д. Гуревич, полагая, что все древности бывшей Восточной Пруссии оставлены пруссами⁷. С этой точкой зрения согласился Е. Окулич⁸. Иное мнение, заключавшееся в размежевании культур Самбии и западной части Мазурского Поозерья, было высказано в 1932 г. К. Энгелем⁹. Косвенно его поддержал Я. Поверский, соотносивший этноним "прусы" только с древними жителями побережья¹⁰. Обе оценки подтверждались анализом и сравнением как отдельных черт погребального обряда, так и некоторых наиболее, по мнению исследователей, показательных предметов инвентаря. Современное состояние материала позволяет определить ареал прусской культуры на основе анализа массовых категорий находок и данных погребального инвентаря.

В пределах 11 "прусских земель" (по письменным источникам XIV в.), составивших впоследствии территорию Орденского государства, выделяется наряду с ареалами скальвов и ламатов западномазурский регион. Его территория - междуречье Лавы, Омулев и Писсы. Мазурская культурная группа VI- начала VIII в., возникшая на месте более ранней мронговской группы западнобалтской культуры (по Е. Окуличу), характеризуется следующим образом. Погребальный обряд - кальцинированные кости без остатков погребального костра, помещенные в урне или без нее в округлую яму, сопровождаются как обожженными, так и миновавшими костер вещами. Массовые категории, во многом родственные собственно прусским, тем не менее включают и предметы чуждого балтам происхождения. Мазурская культурная группа оставлена группой разноэтничных пришельцев со Среднего Подунавья, прибывших в VI в. на юго-западные рубежи прусского ареала для участия в янтарной торговле местного населения и Аварского каганата¹¹.

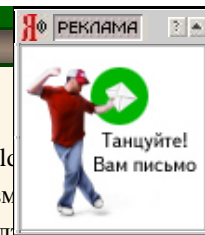
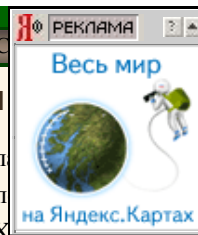
Собственно ареал пруссов занимает междуречье Ногаты и Деймы. Погребальный обряд с рубежа VI-VII вв. - кальцинированные кости, рассеянные в остатках погребального костра в верхнем ярусе овальной ямы стандартной ориентировки (северо-запад-юго-восток), ниже - захоронение коня со снаряжением для верховки езды. Если в VI -начале VII в. категории инвентаря представлены типами, восходящими к местным древностям IV-V вв., то с третьей четверти VII в. здесь появляется большое количество предметов, ранее связанных только с мазурской культурной группой. Данные хронологии пруссов, представленные выше, позволяют предполагать наличие в VI-VII вв. промежуточного этапа между местными древностями позднеимского периода (условно - культура эстиев) и полностью утратившими прежние традиции материалами VIII - XIII вв. Этот период можно с полной уверенностью именовать культурой пруссов.

Привлечение данных палеоклиматологии¹², топонимики¹³, диалектологии и демографии¹⁵ подкрепляет уже сделанные выводы об ареале прусской культуры VIII-XIII вв. Локализация Самбии и прилегающих земель, характерная для раннего средневековья, по объективным, прежде всего климатическим, причинам наметилась еще в эпоху неолита¹⁶ и существовала в раннем железном веке¹⁷.

На протяжении XIX-XX вв. не прекращалась дискуссия о происхождении и значении этнонима "прусы", основные моменты которой изложены в 1987 г. В. В. Седовым¹⁸. На данном этапе изучения вопроса серьезного внимания заслуживает исследование О. Н. Трубачева, возводящего этноним "прусы" к германскому "фризы", имевшему в период раннего средневековья более широкое относительно нынешнего значение. Ученый относит возникновение интересующего нас этнонима ко времени не позднее IX в.¹⁹ Культурные связи потомков эстиев с Западной Европой в VI - VII вв. достаточно известны²⁰. Ввиду преобладающего распространения доорденских топонимов западногерманского происхождения в прибрежной полосе Калининградского залива²¹, мощного скопления памятников, оставленных полиэтничной дружиной²² в окрестностях торгового центра Трусо, упомянутого Вульфстаном в конце IX в., можно вслед за О. Н. Трубачевым²⁴ констатировать возникновение этнонима "прусы" именно здесь. Эта территория ранее занималась носителями вельбарской культуры²⁵. Появление в VI - VII вв. пластинчатых фибул с тремя "лучами", а затем однолезвийных клинков - "саксов" маркирует поступательное проникновение в землю потомков эстиев отдельных групп фризов, саксов и хавков²⁶. Создание в VII в. на западных рубежах балтского мира полиэтничной дружины могло повлечь за собой появление топонима "прусы". Он, не исключено, был связан с одним из этнических компонентов данной новой для юго-восточной Прибалтики социальной организации.

Письменные источники X-XIII вв. называют "пруссамии" балтоязычное население²⁷ побережья Калининградского залива и п-ва Самбия (Витланд)²⁸. Лишь в одном из источников середины XIII в. этноним "пратены" (прусы) не распространяется на жителей Самбии²⁹.

На рубеже X-XI вв. появляется второй этноним жителей Калининградского п-ва, на этот раз балто-скандинавского

происхождения³⁰, - "сембы", производный от топонима "Самбия". Оба термина встречаются прежде всего в скандинавских источниках³¹ и являются билингой. Данные понятия вторичны относительно этнонима "пруссы" по времени своего появления, однако соответствуют ему территориально. Таким образом, ареал прусской культуры, окончательно сформировавшейся к началу VIII в., можно очертить в пределах береговой линии Калининградского (Вислинского) залива, п-ва Самбия, а также земель по течению рек Преголи, Прохладной и Лавы (средневековые области Самбия, Натангия и частично Бартия). Указанный ареал ограничен с юго-запада дельтой реки Ногаты и р. Джежгонью, с северо-востока - основанием Куршской косы. Только в конце XII-начале XIII в. пруссы начинают проникать в земли, расположенные к востоку от р. Деймы и к юго-востоку от р. Лавы. Нельзя упускать из виду то, что хронисты Ордена, проникнув в землю пруссов именно через реки Ногата и Джежгонь и завоевав Помезанию к 1263 г.³³, распространили этноним "пруссы" на остальные прилежащие западнобалтские племена прежде всего из утилитарных политических соображений. Довольно точно в XIII в. восточную границу пруссов, осуществлявших в это время экономическую консолидацию соседних земель³⁴, обозначает р. Арса (Писса)³⁵.

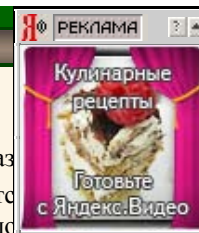
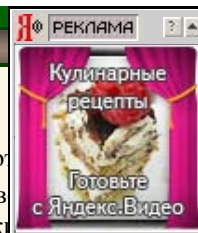
- 1 Hollack E. 1908. S. LXXI.
- 2 Gaerte W. 1929, S. 260.
- 3 Engel C. 1932a. S. 15.
- 4 Okulicz L. 1973. Rye. 167.
- 5 Kaczynski M. 1976. S. 255.
- 6 Engel C., La Baume W. 1937. S. 191, 192,
- 7 Гуревич Ф. Д. 1960. С. 413.
- 8 Okulicz J. 1973. S. 469-471.
- 9 Engel C. 1932. S. 15.
- 10 Powierski J. 1965. S. 178.
- 11 Кулаков В. И. 1986. С. 145.
- 12 Mager F. 1960. Karte.
- 13 Werner H. 1938. Abb. 17.
- 14 Antoniewicz J. 1965. S. 523.
- 15 Schlutter O. 1921. S. 19.
- 16 Wahle E. 1918. Karte.
- 17 Okulicz L. 1976. Rye. 63.
- 18 Седов В. В. 1987. С. 398.
- 19 Трубочев О. Н. 1965. С. 19.
- 20 Sturms Ed. 1950. S. 20; Werner]. 1933. S. 281.
- 21 Haftka M. 1977. S. 252-261.
- 22 Кулаков В. И. 1988а. С. 121.
- 23 Scriptores rerum prussicarum. S. 733.
- 24 Трубочев О. Н. 1965. С. 17, 19.
- 25 Wolagiewicz R. 1977. Rye, 40.
- 26 Кулаков В. И. 1988а. С. 127.
- 27 Вестенберг Ф. 1903. С. 146; Vita de S. Adalperti. 1962. Cap. 27. Галл Аноним. 1961. С. 33.
- 28 Кулаков В. И. 1987б. С. 96, 97.
- 29 Мату зова В. И. 1979. С. 85.
- 30 Кушнер П. И. 1951. С. 153.
- 31 Scriptores rerum prussicarum. S. 734; Muhlen B. 1975. S. 4-6.
- 32 Гуревич Ф. Д. 1960. С. 410.
- 33 Пашуто В. Т. 1958. С. 68.
- 34 Engel C., La Baume W. 1937. S. 192. 35 Топоров В. Н. 1975. С. 106.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Античные авторы, начиная со Страбона и заканчивая Иорданом, упоминают "осилии" или "остии" ("эстии")¹. Данные археологии неопровержимо подтверждают существование населения в междуречье Ногаты и Деймы начиная с эпохи бронзы. Раскопки подтверждают стабильность местной материальной культуры. Уже на материалах начала новой эры прослеживается характерное для последующих культур эстиев-прусов - захоронение коня в полном снаряжении в стороне от погребения воина (родового вождя?). Налицо, таким образом, важная роль коня в обыденной жизни местного населения как начала нашей эры, так и на протяжении последующих 13 веков. Следует отметить также высокую степень связи населения Самбии с народами Средиземноморья посредством торговли янтарем. Последняя надолго определила характер занятий населения прусского побережья. Поздний этап эпохи переселения народов -V в. - явился важным периодом в истории эстиев. К этому времени заканчивается отток носителей вельбарской культуры на юго-запад от Вислы. На западных рубежах балтского ареала освобождаются крупные территории. Все это стимулировало миграцию части эстиев в Мазурское Поозерье и к устью р. Ногаты. Новейшие исследования комплекса памятников в Вышемборке позволили констатировать далеко зашедшую в конце VI в. диффузию балтов в среду остатков гермаиоязычного населения. Судя по всему, появление на Мазурах балтов не стимулировало о развитии старого янтарного пути. Последнее свидетельство о появлении гамбийского янтаря в Италии датируется по Иордану V в. Правда, политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в это время на территории бывшей Западной Римской империи, не оставляла возможности для продолжения транзитной торговли предметами роскоши. Такая перспектива могла привлекать в середине I тысячелетия н. э. только Византию, располагавшую тогда крупным торгово-экономическим потенциалом. Именно торговой заинтересованностью можно объяснить появление в VI в. в западной части Мазурского Поозерья ограниченного контингента разноэтничного населения Среднего Подунавья. Обосновавшийся у северных рубежей Византии, в Подунавье, Аварский каганат не преминул использовать удобную возможность участия в выгодных торговых операциях с Византией. Именно Мазуры стали ключевым звеном в возрождении янтарного пути. Кроме того, здесь находились свои крупные подземные месторождения янтаря. В обмен на него западные балты получали не только изделия средиземноморских ремесленников, но и украшения, изготовленные в духе их собственной материальной культуры пришельцами с Дуная, осевшими в балтской среде в междуречье Омулев и Лавы. Автоматически в круг торговых интересов авар и византийцев попала и Скандинавия, что впоследствии определило судьбы балто-средиземноморских контактов.

Основанием торговых пунктов Гробиня-Зеебург и Трусо контакты западных балтов были переориентированы на земли Балтийского бассейна. В начале VIII в. своеобразная, родственная пруссам культура западной части Мазурского Поозерья перестает существовать. Не исключено, что этому предшествовали столкновения жителей Мазур с той частью местного населения, которая была заинтересована в переориентации янтарного пути. Иначе складывались в это время судьбы собственно пруссов. Рубеж VII - VIII вв. знаменует исчезновение в местной материальной культуре последних традиций эпохи эстиев. Сформировалась новая прусская культура, характеризующаяся прежде всего расслоением родового общества и появлением нового социального института - дружины. Памятники VIII - IX вв., несмотря на крайнюю бедность вещевым материалом, позволяют говорить о непрерывном развитии прусской культуры на всей территории междуречья Ногаты и Деймы. Трудно судить о ее внутренней градации, однако древности бассейна р. Деймы отличаются от древностей Самбии. Последнюю по праву можно признать центром прусского этническо-культурного ареала. Именно на этой территории, имеющей наиболее благоприятные жизненные условия, к концу X в. материальная культура пруссов достигает наивысшего расцвета. В связи с этим не случайно появление здесь в начале IX в. торгового пункта Каун, реального наследника более раннего Трусо. Населявшие его представители различных этносов Балтийского региона способствовали развитию транзитной торговли в данном районе, включая его северо-восточную часть. Способствуя проникновению в прусскую среду общеевропейских предметов вооружения, участвуя в развитии местной дружины и в создании института военных вождей, население юго-востока, запада и севера Европы внесло свою лепту в формирование прусского общества. Основа экстенсивного хозяйства пруссов - скотоводство, а также рыболовство, торговля, добыча янтаря и военный промысел оставались неизменными у пруссов вплоть до начала XII в. К этому времени, когда в результате, возможно, конфликта между дружиной и жреческой прусской администрацией профессиональные воины покидают пределы земли пруссов, можно с уверенностью относить переориентацию местного хозяйства на земледелие. На смену ярким древностям дружины XI в., народа отважных воинов и предприимчивых купцов приходит материальная культура земледельцев, во многом воссоздающая консервативные, родовые черты в обряде и инвентаре. Оружие и атрибуты конского снаряжения уже не играют ведущую роль в погребениях пруссов. На смену всему этому приходят труположения, сопровождаемые большим количеством предметов, связанных с мирными занятиями, прежде всего с сельским хозяйством. Создается впечатление об определенной социальной унификации прусского сообщества, состоявшего, с одной стороны, из сельских общинников, с другой - из оберегавшей родовые традиции жреческой верхушки. Ниже последней в административной структуре стояла "господа", члены которой выделались из общинной среды, осуществляли функции власти в промежутках между народными собраниями и занимали городища с укрепленным посадом. Данный тип укрепленных поселений, как и срубное жилище, стандартизуется в земле пруссов именно к началу XII в. Косвенно на окончательную победу земледелия в хозяйстве пруссов указывает их миграция в XII в. в лесную зону по нижнему течению р. Вислы, в поисках удобных для земледелия земель. Следствием этого явились многочисленные конфликты со славянами, послужившие прелюдией ко вторжению в земли пруссов крестоносцев. Резюмируя сказанное, сформулируем основные этапы раннесредневековой истории пруссов.

V-VIII вв. - в ходе миграции, связанной, видимо, с демографическими процессами, пруссы выходят к нижнему течению р. Вислы и

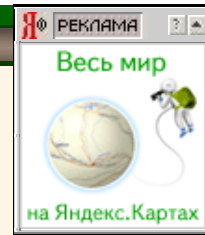
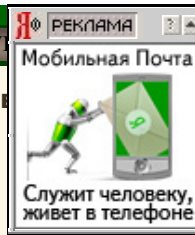
к западной оконечности Мазурского Поозерья. Это совпадает по времени с передвижением славянских племен на свободные от германцев земли Центральной Европы. Социально-хозяйственная структура общества пруссов при этом изменяется мало. Население русского побережья втягивается в международную транзитную торговлю и является не только поставщиком янтаря, как в античное время, но и непосредственным участником и гарантом торговых операций. На всем протяжении VI - VIII вв. в землю пруссов происходит приток отдельных воинских групп западноевропейского происхождения. На рубеже VII - VIII вв. они приняли участие в формировании дружины пруссов. В устной традиции этот факт отражен легендой о Брутене и Видевуте.

IX-XI вв. - прусское общество переживает своеобразный этап своего развития, который можно сравнить со скандинавской эпохой викингов. Однако следует учитывать, что прусская дружина сложилась на столетие раньше аналогичного социального института Скандинавии. В землю пруссов широким потоком поступают средства платежа за янтарь, вызывая дифференциацию слоя родовых общинников и обособление дружинников. Наиболее далеко этот процесс зашел в северо-восточной части Самбии. Здесь политэническая дружина получила максимальную самостоятельность и, возможно, предпринимала попытки оказывать влияние на политическую жизнь остальной части населения.

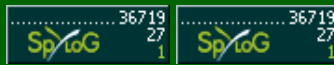
XII-XIII вв. - земля пруссов - один из последних регионов Европы, где земледелие в эпоху средневековья становится ведущей отраслью хозяйства. Запоздалое развитие производящих форм экономики, незавершенность становления феодальных форм социальной организации, связанная прежде всего с уходом в конце XI в. дружины из пределов Самбии, столкновения со славянами сыграли решающую роль в потере пруссами независимости.

Каталог погребальных памятников прусской культуры VI - XIII вв.

Стр.58	Стр.64	Стр.70	Стр.82
Стр.59	Стр.65	Стр.71	Стр.83
Стр.60	Стр.66	Стр.72	Стр.84
Стр.61	Стр.67	Стр.73	Стр.85
Стр.62	Стр.68	Стр.74	Стр.86
Стр.63	Стр.69	Стр.75	Стр.87

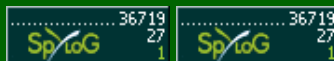
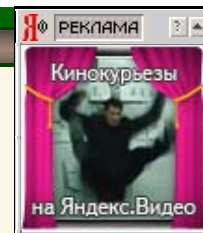
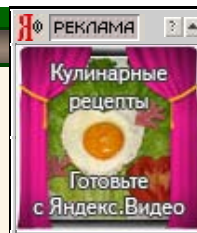
<< >>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ - Вестник древней истории
ВИ - Вопросы истории
ИАК - Известия Археологической комиссии
ИГАИМК - Известия Государственной академии истории материальной культуры
КОИХМ - Калининградский областной историко-художественный музей
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАР - Материалы по археологии России
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
Труды ГИМ - Труды Государственного Исторического музея
Труды ИЭ - Труды Института этнографии АН СССР
КМВ - Komunikaty Mazursko-Warminskie
МWiМ - Muzeum Warmii i Mazur w Olsztynie
SPOG - Schriften der Physik-Okonomische Gesellschaftzu Koiigsberg - Scriptorum rerum prussicarum

Литература

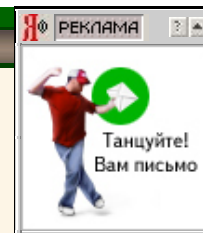
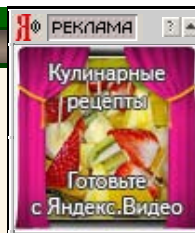
[Стр.87](#)

[Стр.88](#)

[Стр.89](#)

[Стр.90](#)

[Стр.91](#)

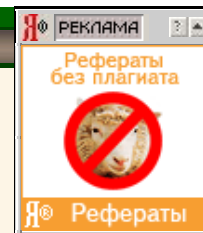
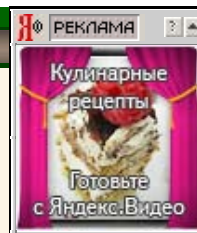

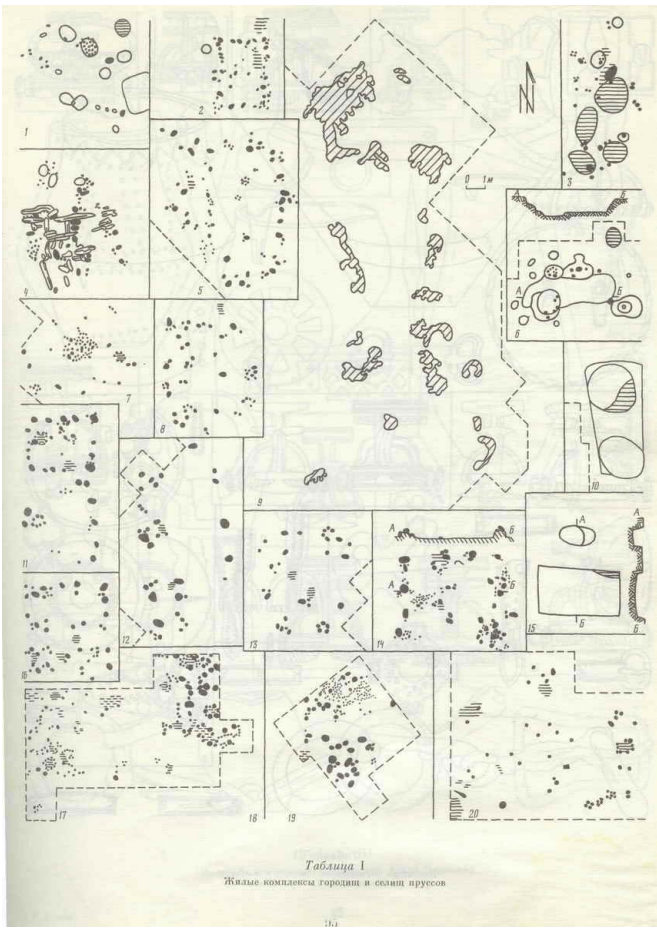
Описание иллюстративных таблиц

[Стр.91](#)

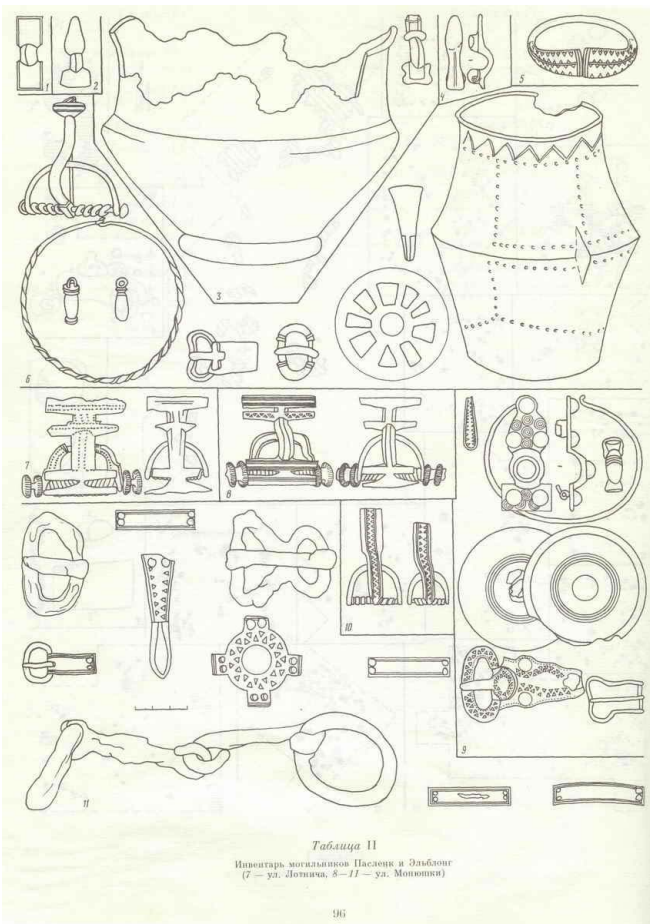
[Стр.92](#)

[Стр.93](#)

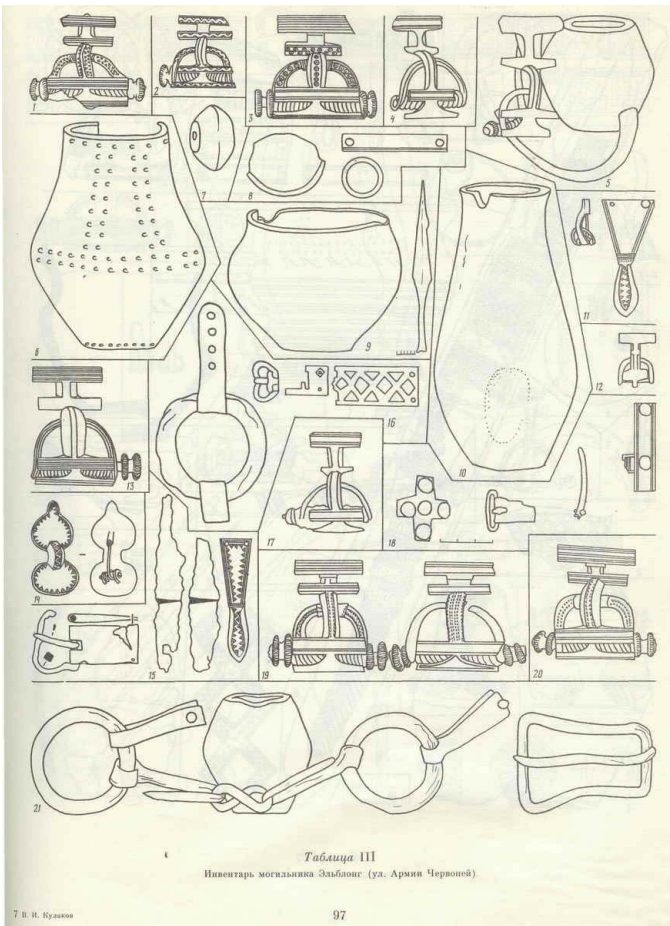

Таблица III
Ивентарь могильника Зыблонг (ул. Армии Червоної)

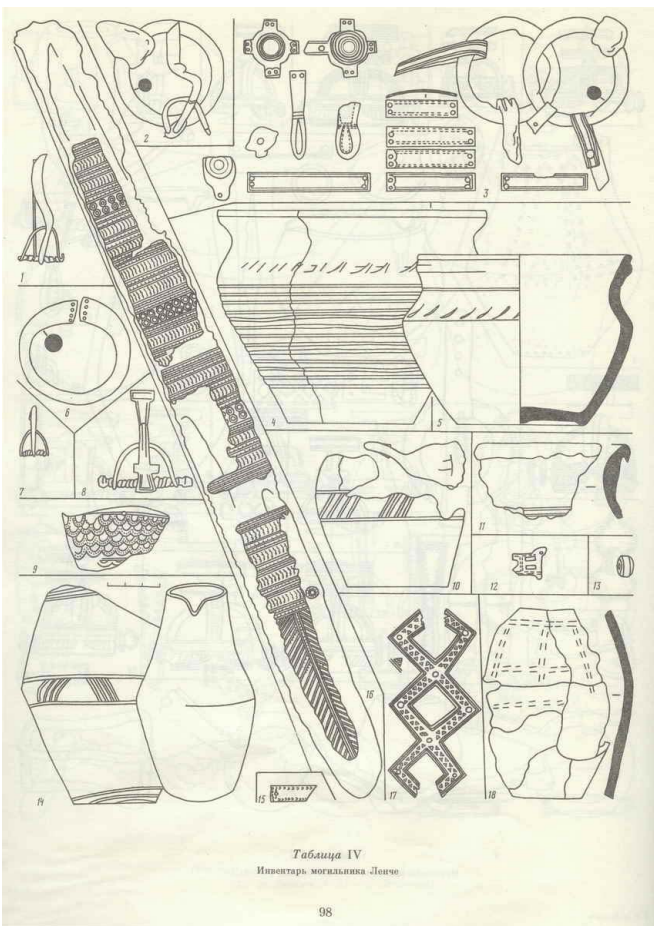
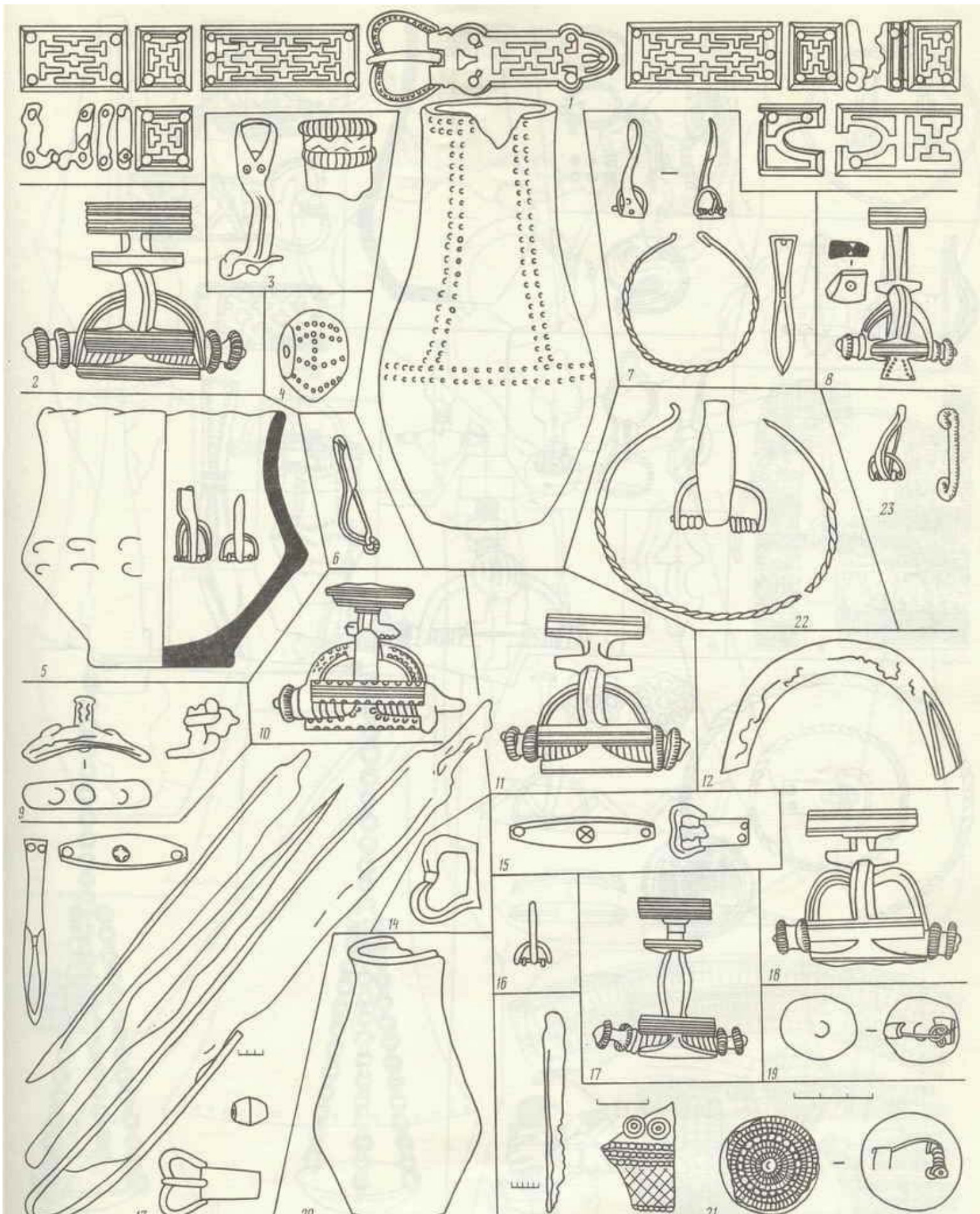

Таблица IV
Инвентарь могилы №101

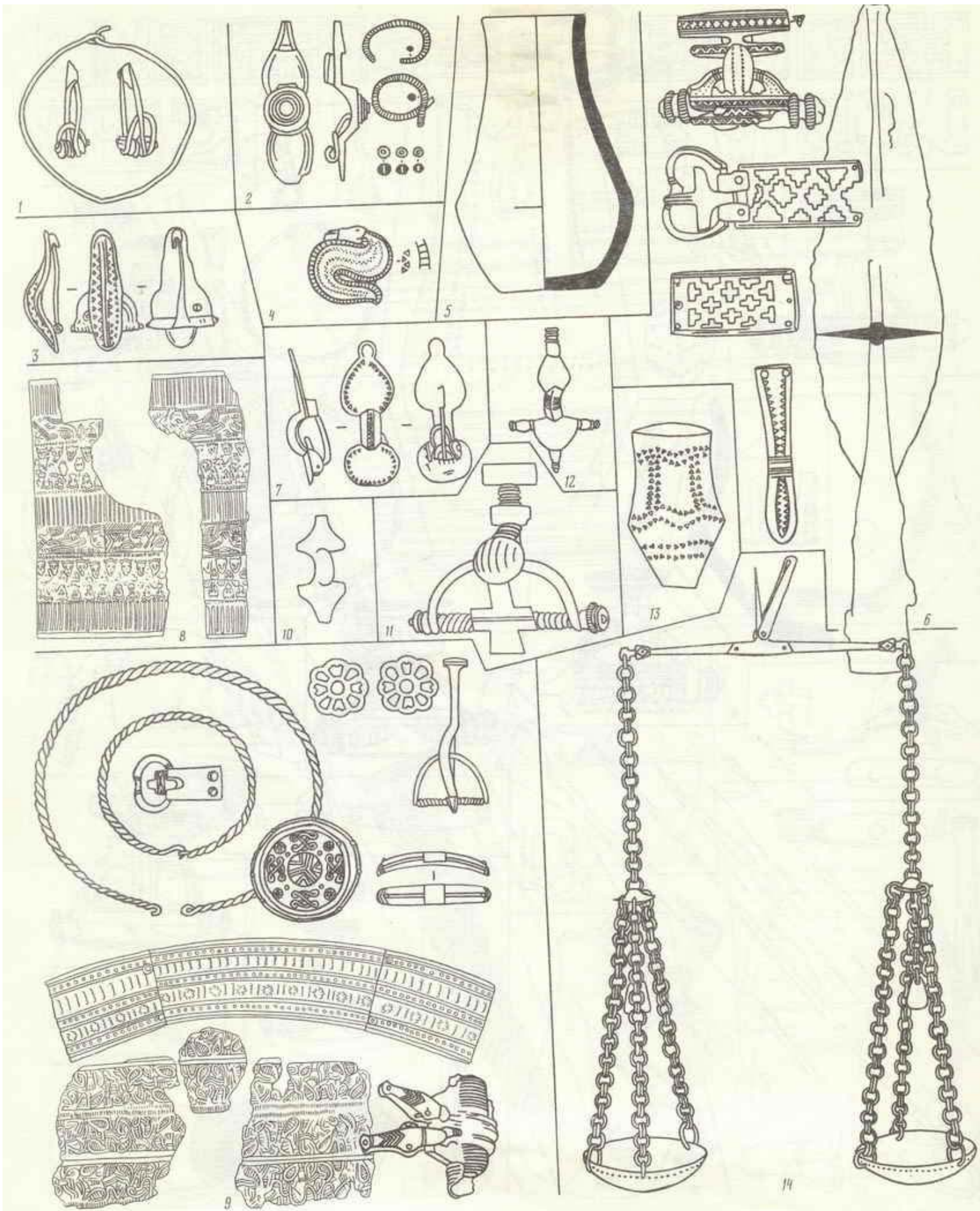

Таблица V
Инвентарь могильника Ленче

7*

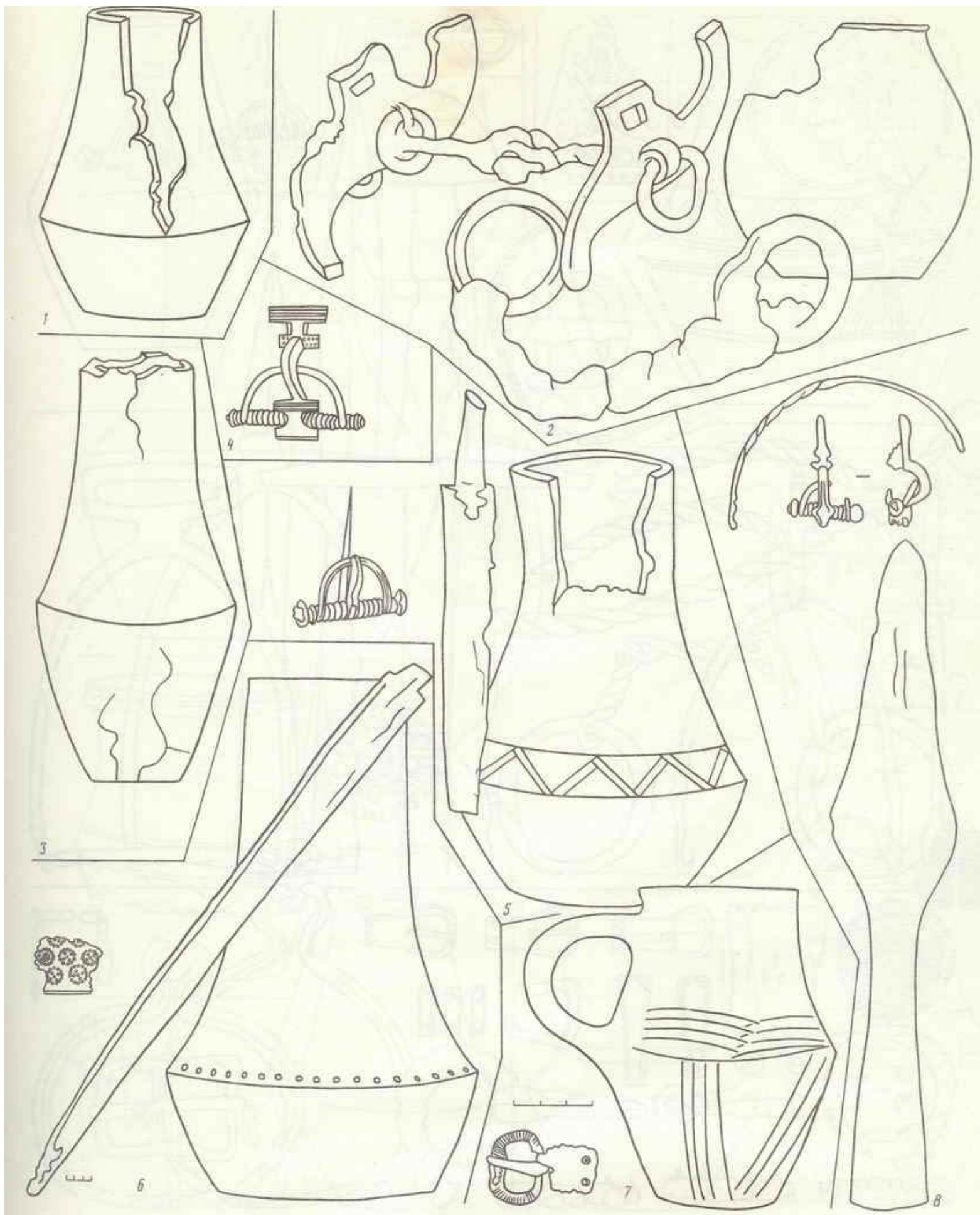
99

Таблица VI

Ивентарь могильников Новинка (1—8), Варникам, Тенген, Елановка, Береговое

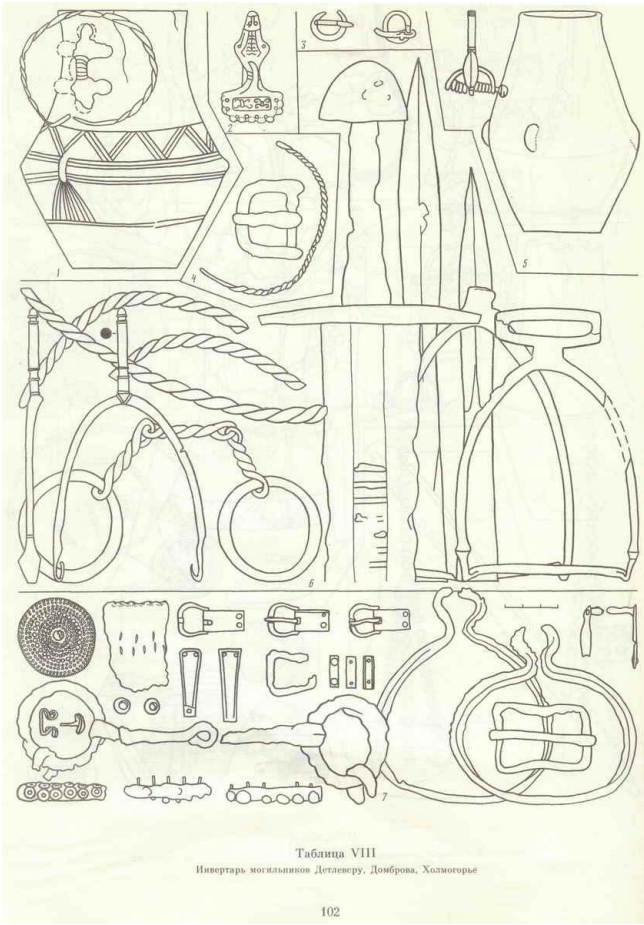

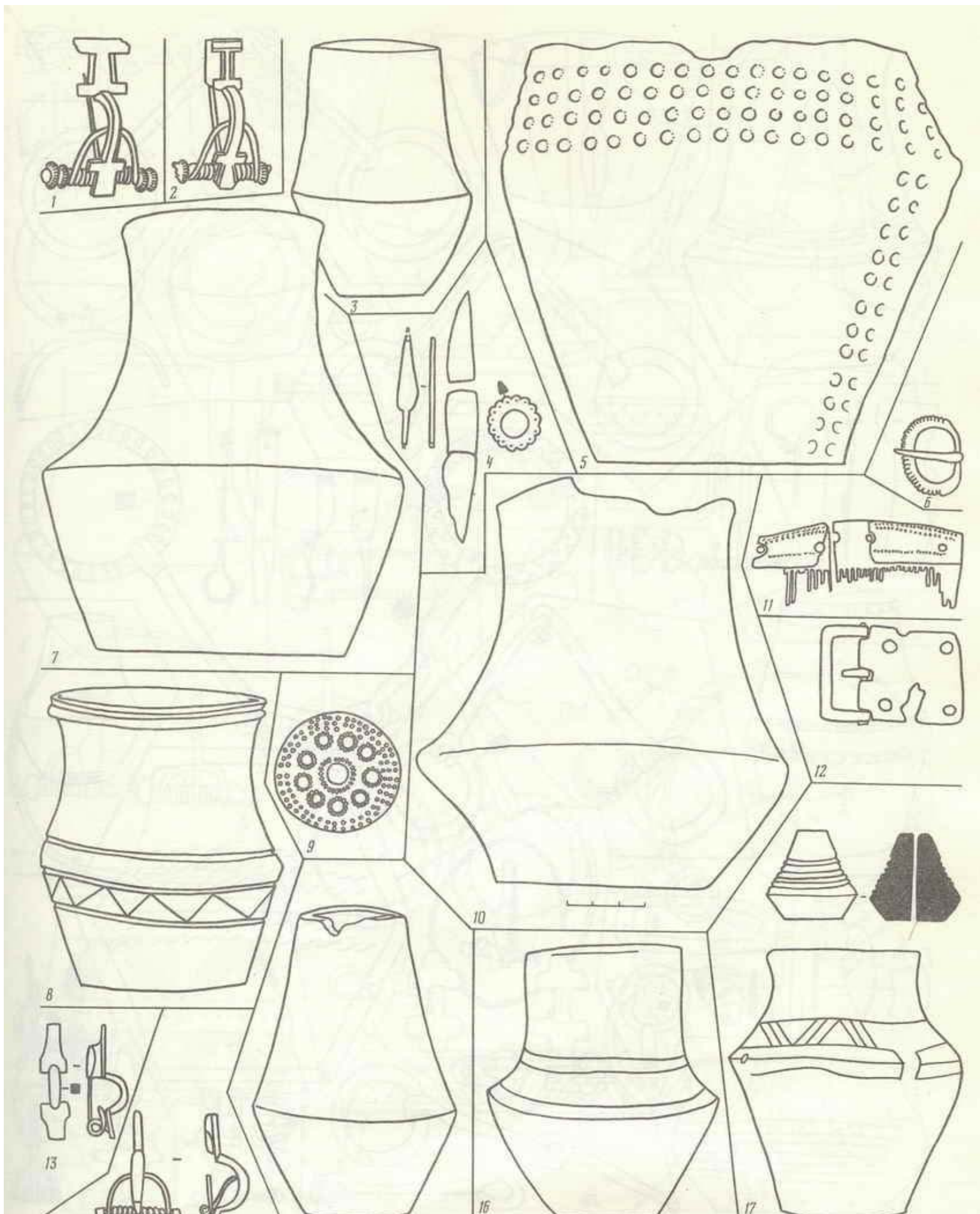

Таблица VII

Ивентарь могильников Тенген и Детаевсру

Таблица IX
Инвентарь могильников Солдатова и Суворово

103

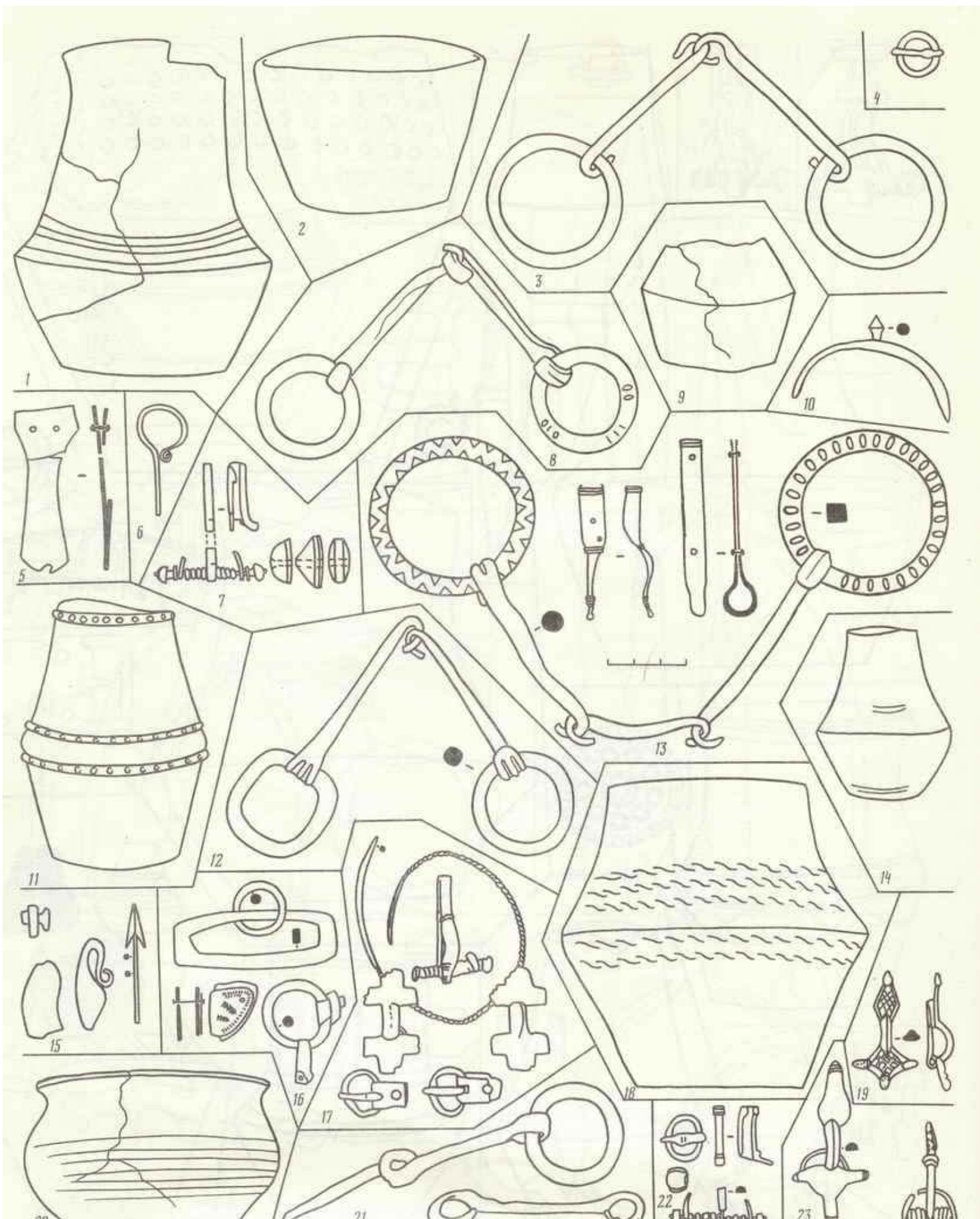
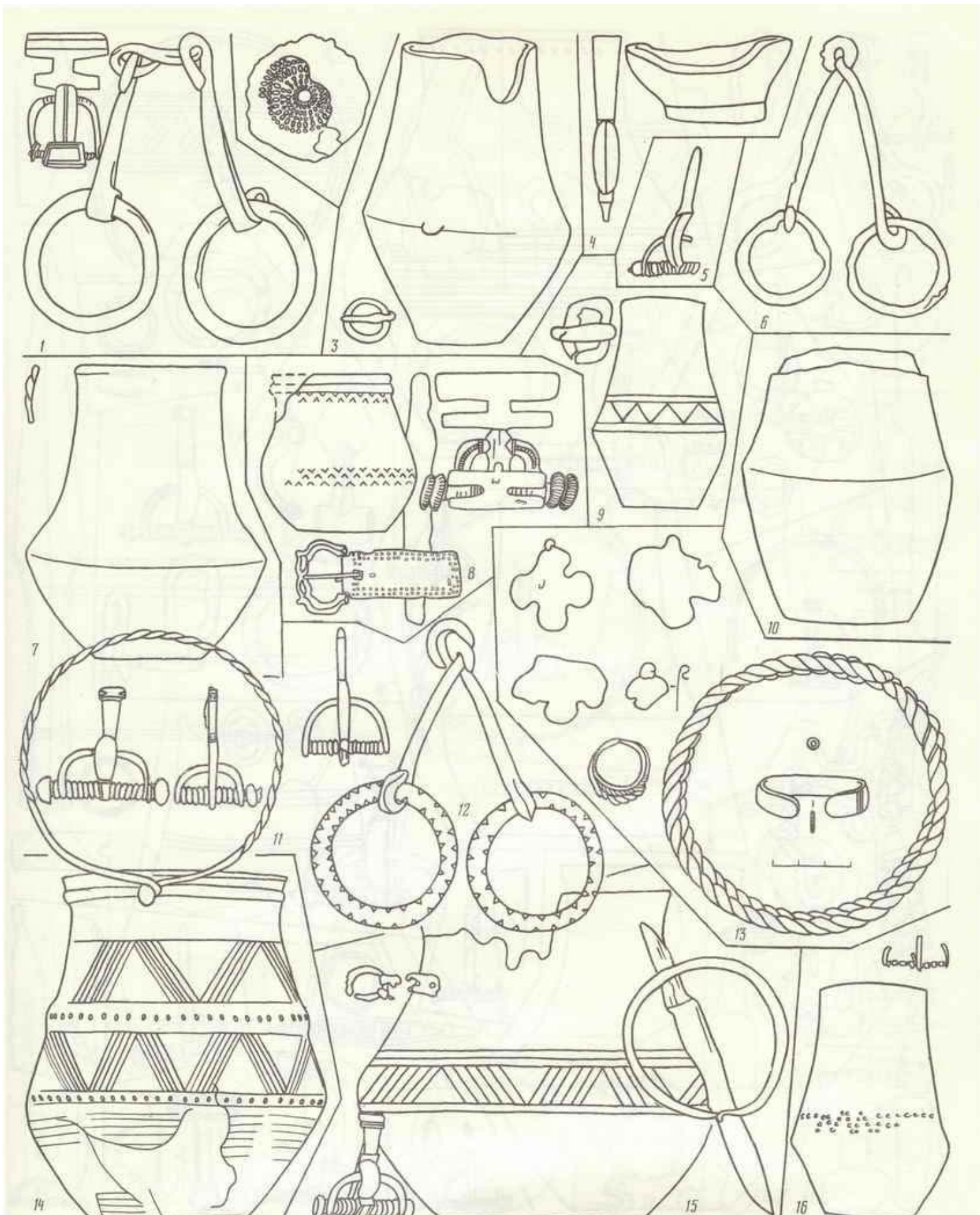

Таблица X
Инвентарь могильника Суворово

104

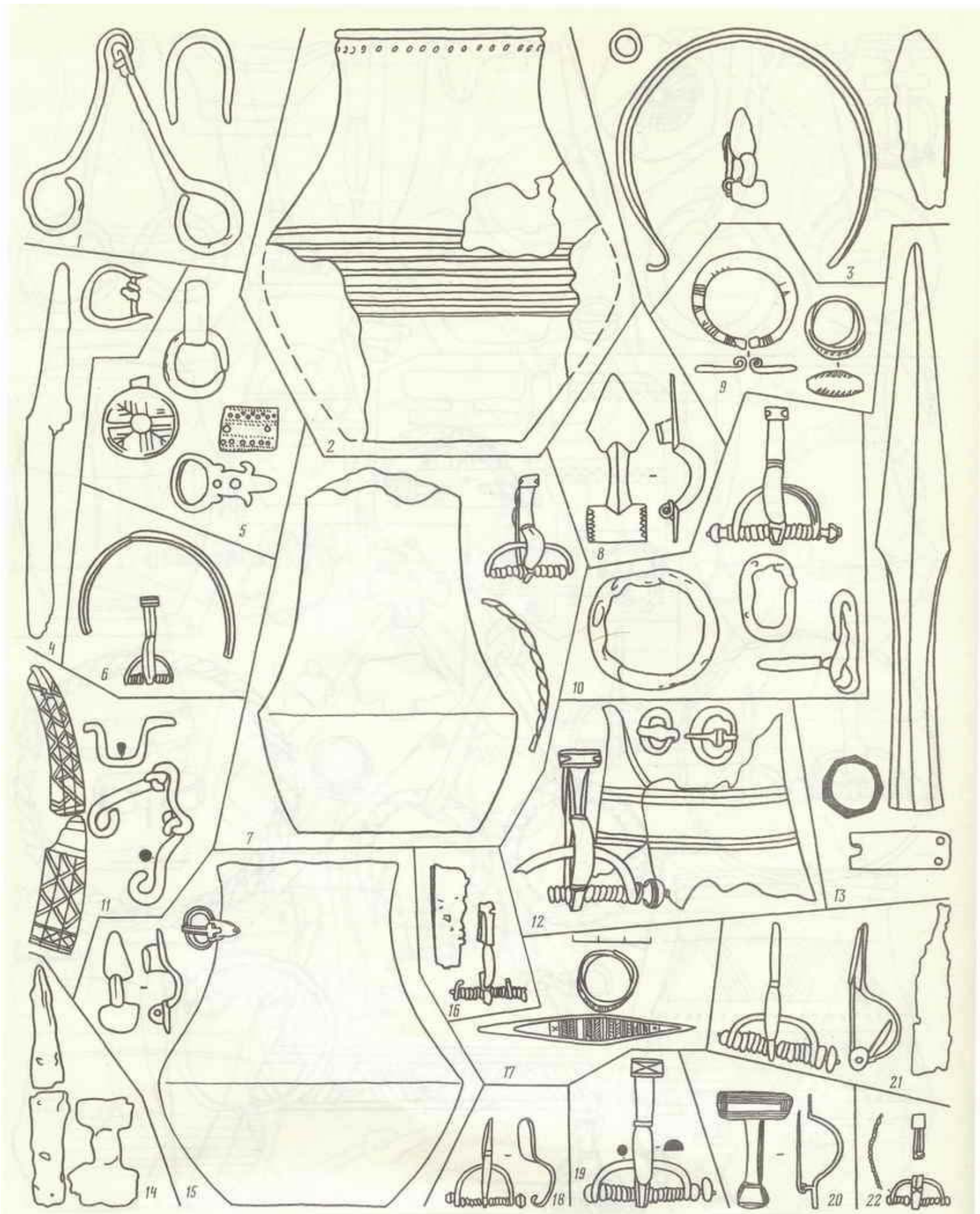

Goodland

Таблица XI
Инвентарь могильника Суворово

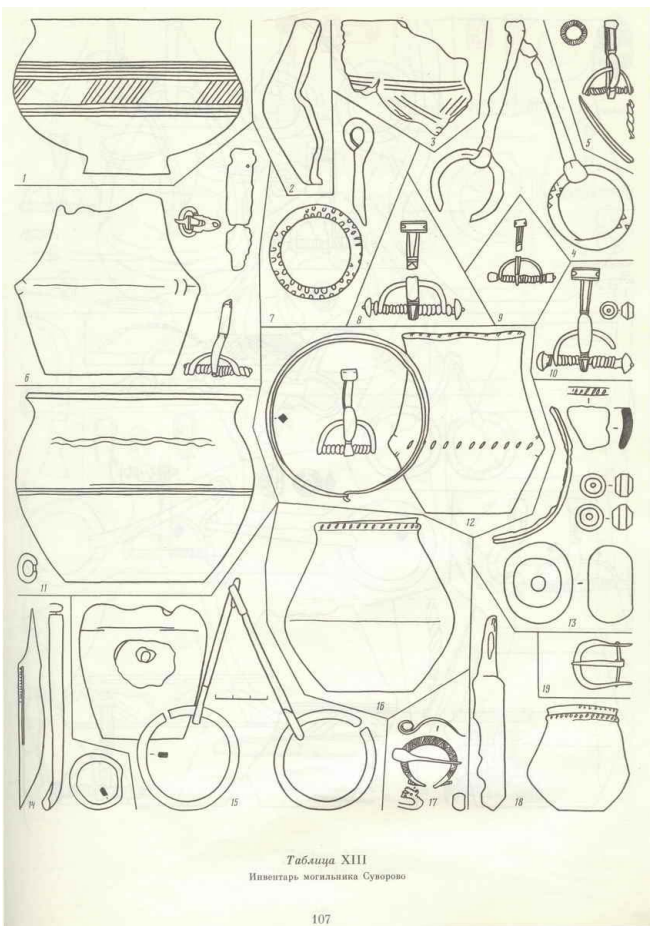
105

Таблица XII
Инвентарь могильника Суворово

106

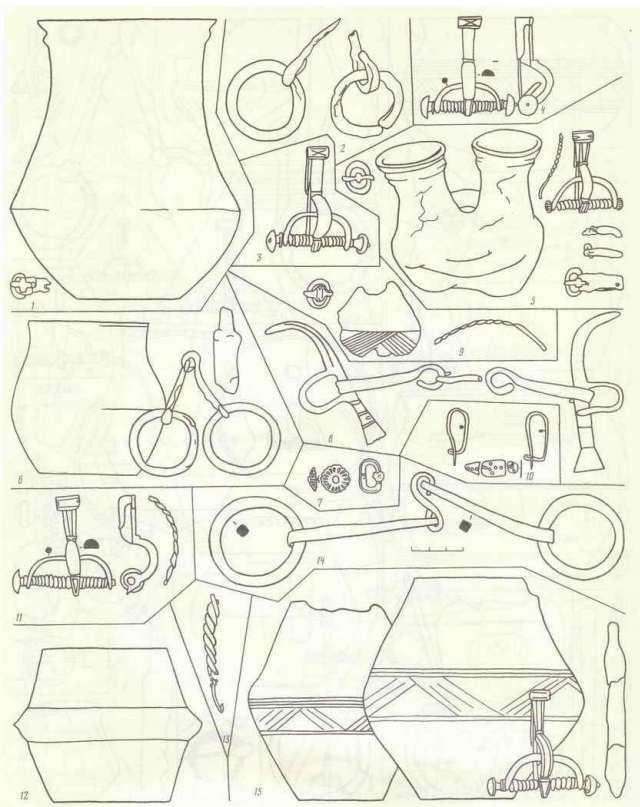

Таблица XIV
 Инвентарь могильника Суворово

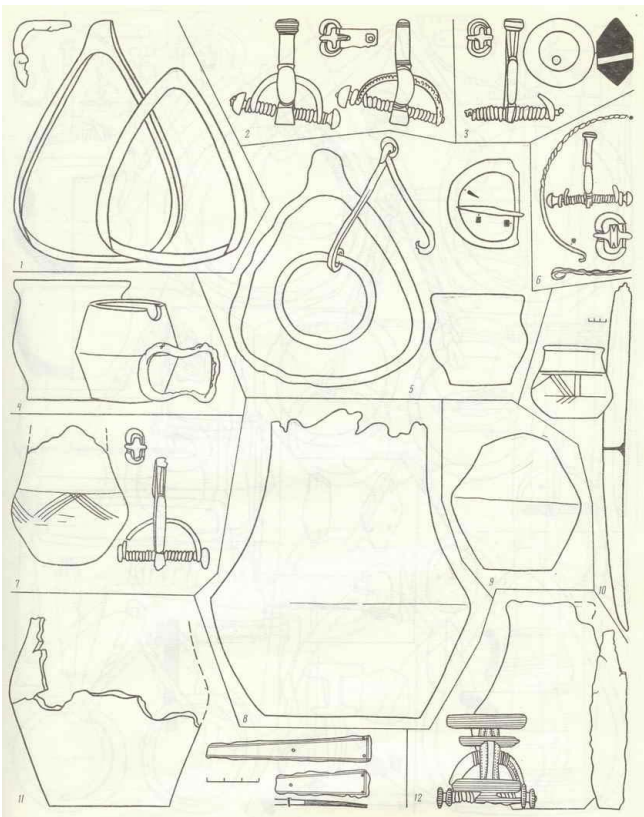
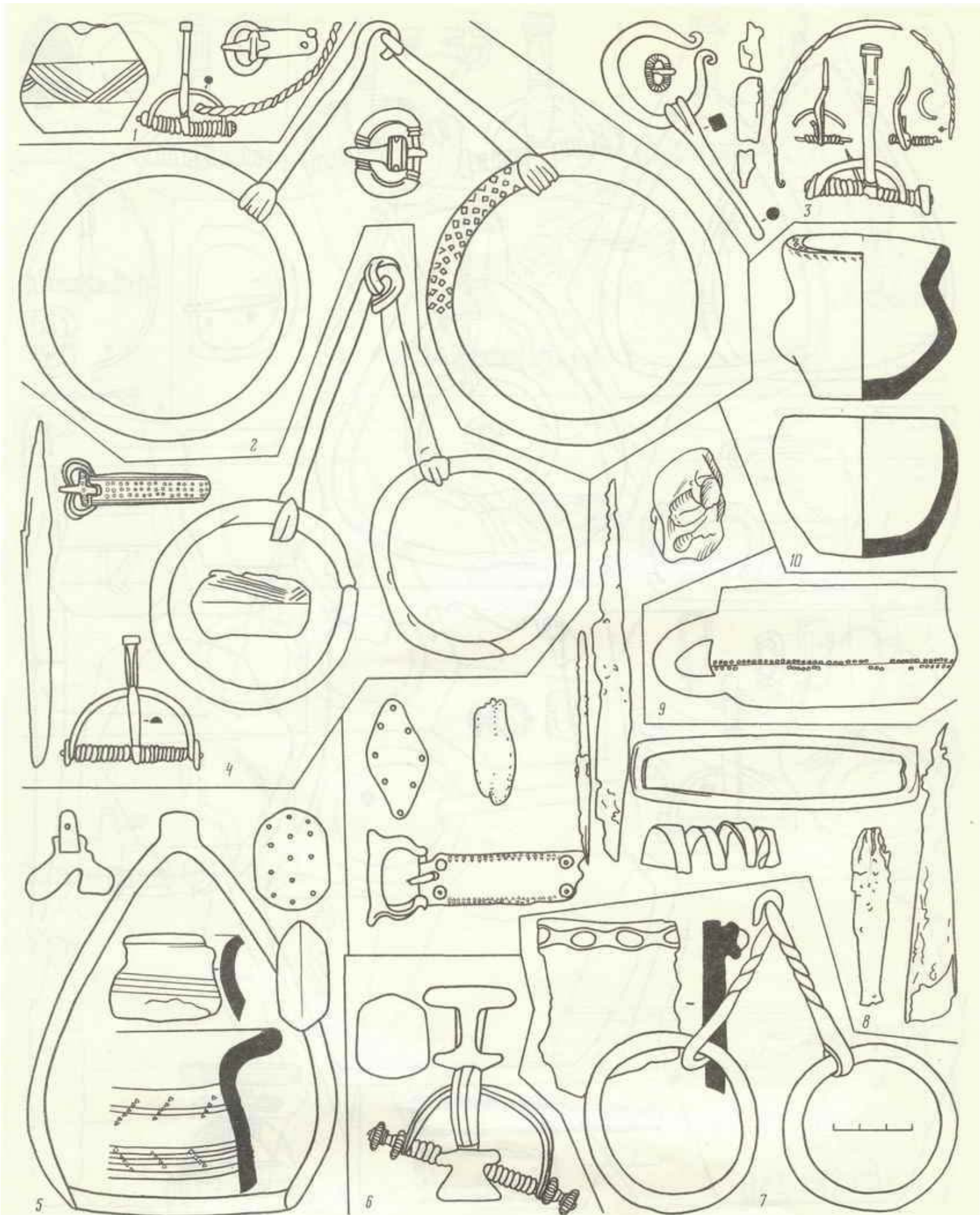

Таблица XV
Инвентарь могильника Суворово

Таблица XVI
Инвентарь могильника Суворово

110

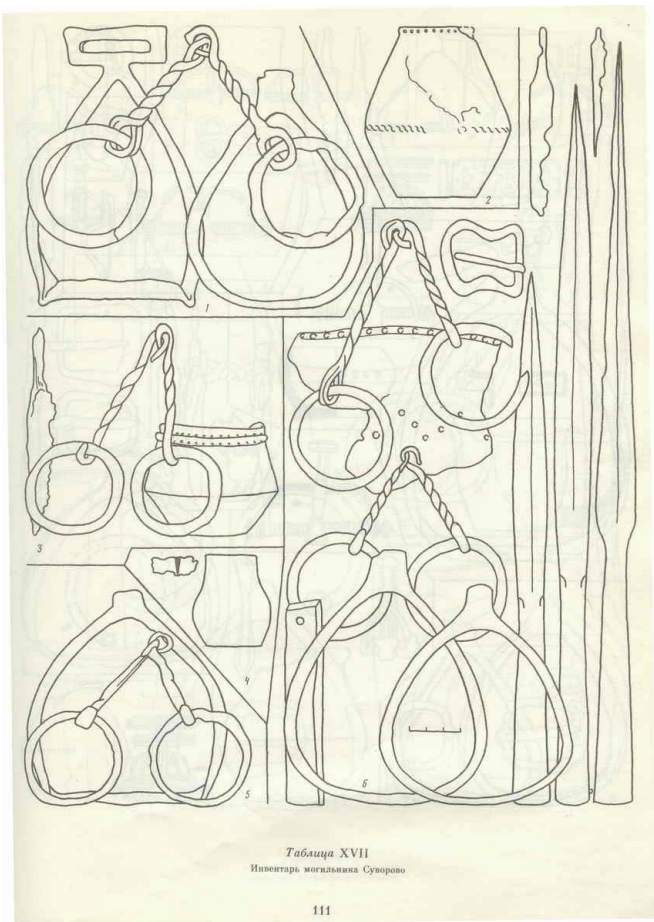

Таблица XVII
Инвентарь могильника Суворово